

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Издается с 2011 г. Выходит 4 раза в год. Рег. ПИ № ФС77-38716 от 22 января 2010 г.
Учредитель: Издательская группа «Юрист»

№ 4 / 2017

Журнал издается при участии кафедры гражданского общества МГИМО — Университета
Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Академии развития гражданского общества

Председатель редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университета, Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист»

Главный редактор

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор,
профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН (*главный редактор*)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор,
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(*заместитель главного редактора, ответственный редактор номера*)

Брэдли Джозеф, доктор истории, профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Галас Марина Леонидовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Института проблем эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.э.н., профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Бекман Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент криминологии
и социологии права, представитель Российского института стратегических исследований
в странах Северной Европы (Финляндия)

Тодд Лефко, доктор истории, профессор Университета Миннесоты, политик, бизнесмен (США)

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мезаннев Матье, доктор права, профессор, заместитель декана факультета «Право и экономика»
Государственного университета Реюньона (Франция)

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор
Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нижник Надежда Степановна, д.ю.н., профессор,
профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Панарин Андрей Александрович, к.э.н., Президент Некоммерческого партнерства
«Образовательный консорциум «Среднерусский университет»

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Попова Екатерина Владимировна, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сигалов Константин Елизарович, д.ю.н., доцент, директор Центра правового регулирования
финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского
общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Смит Дэвид Хортон, профессор социологии Бостон Колледжа (США), почетный гостевой
профессор социологии университета Восточной Англии, почетный гостевой профессор НИУ ВШЭ
и Университета Цинхуа (Китай)

Соловьев Кирилл Андреевич, д.и.н., доцент

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

«Объединенный каталог» — 91889.

Также можно подписаться на www.gazety.ru

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. 6. Печать офсетная.

Общий тираж: 1000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Номер подписан в печать: 21.11.2017.

Номер вышел в свет: 21.12.2017.

Революция 1917 г.

в ракурсе новейших подходов

Медушевский А.Н. Русская революция и эволюция легитимирующей формулы российской власти в XX — начале XXI вв. 3

Вострикова В.В. Революционный процесс 1917 года в России в оценке либеральных политиков и идеологов начала XX века 9

Хайлова Н.Б. «Хранитель "забытых слов"»: К.К. Арсеньев в годы «великих потрясений» (1914–1918) 16

Нижник Н.С. Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях 25

От редакции

Представляем необычную книгу о судьбах права и его служителей в Революции 31

Трибуна молодых ученых

Неверов Е.Д. Николай Лазаревский в 1917 г.: теоретик государственного права на службе Временного правительства 33

Трофимов Д.В. Общественные исполнительные комитеты как структуры гражданского общества России в 1917 году 37

Вопросы философии и истории гражданского общества

Большакова В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность 41

Сигалов К.Е., Петрова Т.Э. Социальный контекст правовой определенности человека 45

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND ABROAD

Published quarterly since 2011. Reg. № ФС77-38716 of 22.01.2010. Founder: Publishing Group "JURIST"

No. 4 / 2017

Published with the participation of the Chair of Civil Society of MGIMO — University and the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University "Higher School of Economics" Academy for the development of civil society

Chairman of the Editorial Board

Grib Vladislav Valer'evich, head of the Chair of Civil Society of MGIMO-University, Chairman of the Commission of the RF Civic Chamber on public control and interaction with public councils, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Publishing Group "JURIST", doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief

Autonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of the Institute of State and Law RAS, doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editor in Chief

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Members of the Editorial Board

Autonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of Institute of State and Law RAS (Editor in Chief), doctor of juridical sciences, professor

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor (Deputy Editor in Chief, Executive Editor)

Bradley Joseph, doctor of history, professor of history of the University of Tulsa (Oklahoma, USA)

Galas Marina Leonidovna, doctor of historical sciences, associate professor, Chief Researcher Institute of Problems of effective state and civil society Financial University under the Government of the Russian Federation

Demichev Aleksey Andreevich, professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Diskin Iosif Evgen'evich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of economic sciences

Bekman Johan, doctor of political Sciences, associate Professor of criminology and sociology of law, the representative of the Russian Institute for strategic studies in Northern Europe (Finland)

Todd Lefko, doctor of history, professor at the University of Minnesota, politician, businessman (USA)

Malakhov Valerij Petrovich, head of the Chair of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Medushevskij Andrej Nikolaevich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of philosophical sciences, professor

Mezencev Mathieu, Deputy Dean of the faculty of «Law and Economics» State University of Reunion, doctor of law, professor (France)

Mersyanova Irina Vladimirovna, director of the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University «Higher School of Economics», candidate of sociological sciences, assistant professor

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, professor of Department of theory of state and law Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Panarin Andrey Aleksandrovich, candidate of economic sciences, President of the Nonprofit partnership «Educational consortium «Mid-Russian University»

Popov Evgenij Vasil'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society of MGIMO-UNIVERSITY)

Popova Ekaterina Vladimirovna, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Salomatin Aleksey Yur'evich, professor of Penza University, doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Safonov Aleksandr Aleksandrovich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, professor

Sigalov Konstantine Elizarovich, doctor of juridical sciences, associate Professor, Director of the Center of legal regulation of economic and financial relations of the Institute of effective state and civil society, the Financial University under the Government of the Russian Federation

David Horton Smith, Emeritus Professor of sociology, Boston College (USA), honorary guest Professor of sociology at the University of East England, honorary guest Professor at HSE and the University of Tsinghua (China)

Solov'ev Kirill Andreevich, doctor of historical sciences, associate professor

Shablinskij Il'ya Georgievich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, professor

Shul'ga Ruslan Yur'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Editorial subscription centre: (495) 617-18-88
e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office Address:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription:
Unified Catalogue — 91889 (half year), www.gazety.ru

Printed by LLC "National Polygraphic Group"
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.
Size: 60x90/8. Printer's sheet 6. Offset printing.
Circulation: 1000 copies. Free market price. ISSN 2221-3287
Passed for printing: 21.11.2017.
issue was published: 21.12.2017.

The revolution of 1917 from the perspective of the newest approaches

Medushevsky A.N. The Russian Revolution and Evolution of a Legitimizing Formula of the Russian Government in the XX to the Early XXI Century..... 3

Vostrikova V.V. The Revolutionary Process of 1917 in Russia as Assessed by Liberal Politicians and Ideologists of the Early XX Century 9

Khaylova N.B. "The Keeper of the 'Forgotten Words'": K. K. Arsenyev in the Years of Great Unrest (1914 to 1918) 16

Nizhnik N.S. The Year of 1917: Commencement of a Revolution in Family and Marriage Relations..... 25

Note of the editorial board

We would like to bring to your attention an unusual book on the fates of law and its followers during the Revolution..... 31

Young scientists' tribune

Neverov E.D. Nikolay Lazarevsky in 1917: a State Law Theorist Serving the Provisional Government..... 33

Trofimov D.V. Public Executive Committees as Structures of the Russian Civil Society in 1917 .. 37

Issues of philosophy and civil society history

Bolshakova V.M. Advocacy as a Russian Civil Society Institution: History and the Modern Times..... 41

Sigalov K.E., Petrova T.E. The Social Context of Legal Certainty of an Individual..... 45

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law. The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕГИТИМИРУЮЩЕЙ ФОРМУЛЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.*

*Медушевский Андрей Николаевич,
ординарный профессор факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
доктор философских наук
amedushevsky@mail.ru*

В статье обсуждается эволюция легитимирующей формулы российского политического режима со времен царизма до крушения советского режима с учетом общего влияния революционного наследия на современную политическую систему и перспективы ее модернизации. На основе методов когнитивной истории автор анализирует роль коммунистического мифа в формирование Советского государства, идеологических и правовых оснований однопартийной диктатуры и важность институциональной преемственности в формировании современной политической системы.

Ключевые слова: русская революция, коммунизм, однопартийная диктатура, Советское государство, номинальный конституционализм, перестройка, постсоветская трансформация, президентская власть, политическая модернизация.

The Russian Revolution and Evolution of a Legitimizing Formula of the Russian Government in the XX to the Early XXI Century

*Medushevsky Andrey N.
Tenured Professor of the Faculty of Social Sciences
of the National Research University "Higher School of Economics"
Doctor of Philosophy*

The article discusses the evolution of legitimating formula of Russian political regime from Tsarist times to the collapse of the Soviet regime, regarding the general influence of the revolutionary heritage on the current political system and prospects of its modernization. On the ground of cognitive history methods, the author examines the role of Communist myth in the formation of the Soviet state, ideological and legal grounds of one-party dictatorship and the role of institutional continuity in the formation of the current political system.

Key words: Russian revolution, communism, one-party dictatorship, Soviet state, nominal constitutionalism, Perestroika, Post-Soviet transformation, Presidential power, political modernization.

Революции — есть когнитивный срыв общества в результате столкновения традиционализма и измененной картины мира (модернизации). Их выражением становится феномен завышенных ожиданий — утопический социальный миф, а логика развития революционного проекта определяется тем, насколько политическому режиму удастся рационализировать его и трансформировать в прагматически реализуемую концепцию преобразований. Типология революций позволяет разделить их на те, которые завершились демократической консолидацией общества, и те, которые оказались неспособны решить эту задачу в ходе революционного цикла. Русская революция в целом описывается формулой Токвиля, однако ее результаты отличны от классических западных «буржуазных» революций XVIII–XIX вв.

В целом результатом российского революционного проекта стала радикальная, насильственная и антиправовая модернизация традиционного общества в форме ретрадиционализации. Данный тип

модернизации не является уникальным, охватывая широкий спектр политических систем XX в. — от тоталитарных до различных постколониальных националистических, фундаменталистских и авторитарных режимов «направляемой демократии».

В России это — революционная по форме и методам, но содержательно ограниченная и непоследовательная модернизация, осуществлявшаяся с огромными социальными издержками. Используя традиционалистские стереотипы для обеспечения социальной мобилизации и контроля, она заложила основы когнитивных противоречий постсоветского периода. Осмысление опыта революции позволяет конвертировать его в знание, а это последнее — в стратегии современных политических реформ.

1. В основу нашего подхода положен метод когнитивной истории — реконструкция смысла, который вкладывался современниками в конструирование социальной и правовой реальности на разных

* Данная статья представляет текст доклада автора на Международной научной конференции «Российская революция и конституция» (Москва. Дом Российского исторического общества, 24 октября 2017 г.). Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 17-01-0048) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

этапах трансформации общества. *Под революцией* мы понимаем радикальное изменение информационной картины мира — преодоление когнитивного диссонанса общества путем насильственного изменения государственного строя, сопровождающееся фундаментальным пересмотром принципов его политической конституции и легитимирующей формулы режима. Революция, следовательно, продолжается столько, сколько действует легитимирующая формула созданного ею политического режима. В России это весь период существования советского политического режима (1917–1991 гг.).

Этот процесс создания правил, норм и поведенческих установок, а также их последующих модификаций определяет параметры социальной и когнитивной адаптации индивидов. Он имеет характер целенаправленной деятельности и выражается в фиксации новых ценностей, норм и институтов в программных идеологических документах, юридических актах, установках социальной практики. Опираясь на результаты этой целенаправленной деятельности — ее интеллектуальные продукты, исследователь способен реконструировать замысел и цели творца — создателя соответствующего документа.

Основными параметрами анализа являются — формирование революционного мифа, его фиксация в основных идеологических программах и конституциях, результаты реализации для политической системы на всем протяжении существования. В данном докладе на основе архивных материалов всех советских конституционных комиссий впервые в российской науке поставлена задача определить системные параметры уникальной советской модели политико-правового конструирования: выяснить его когнитивные основания, связь с насильственной социальной трансформацией и функционированием мобилизационной однопартийной диктатуры, установить этапы развития и модификации легитимирующей формулы советского политического режима — от возникновения в 1917 г. до крушения в 1991 г.

2. Как все радикальные революции нового и новейшего времени, Русская коммунистическая революция 1917 г. породила миф о возможности рационального конструирования общества социальной справедливости, который последовательно и безжалостно осуществлялся в Советской России на протяжении большей части XX столетия. Миф — система представлений (символов), основанных на вере, но не знании. Содержание мифа Русской революции определялось постулатами утопической коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии, структура была вполне логична (во многом соответствуя структуре религиозного мифа), а функция очевидна — поддержание легитимности однопартийной диктатуры.

Коммунизм как идеология Нового времени получил импульс из традиционалистски мотивированного социального протеста против разрушения привычных аграрных отношений, имел ретроспективную направленность (восстановление

утраченной гармонии), выражал себя в противопоставлении утопического идеала (равенства) — формально-правовой организации общества, опираясь на насилие как основной инструмент достижения идеала. Распространение революционного (коммунистического) мифа (в его большевистской трактовке) связано с его привлекательностью для сознания традиционного аграрного общества, а эволюция — определяется наличием пяти основных трактовок, доминировавших в России XX в.

Определяющее значение для эволюции мифа в России получили пять основных интерпретаций, возникших в XX в. и перешедших в современную историографию: 1) сторонников революции (начало новой эры коммунизма во всемирном масштабе); 2) ее противников, прежде всего контрреволюционной эмиграции (революция как катастрофа — смута, закончившаяся крушением российской государственности); 3) идеологии сталинизма (создание особой советской государственности нового типа в условиях корректировки коммунистического мифа); 4) эпохи оттепели и затем перестройки (возвращение к истокам революционной идеологии для преодоления исторических искажений и построения «подлинной» социалистической демократии); 5) наконец, представления постсоветских демократических преобразований (радикальное отрицание всего советского наследия во имя демократии западного типа).

Логика развития мифа, связанная с динамикой советского режима, прошла путь от преклонения перед революцией в почти сакральном смысле до превращения ее идей в собственную карикатуру и столь же решительного их отрицания. В основе процесса пересмотра мифа — естественный процесс рутинизации революционной харизмы — движение от утопии к реальности по мере остывания революционной лавы.

3. Проект революционного социального конструирования определяется взаимосвязью идеологии, права и структуры коммуникаций, приводящих политический механизм в действие. Приоритет идеологии (революционного мифа) над правом (четыре партийных программы 1903, 1919, 1961, ее новая редакция 1986 гг.) есть основа советского правового и институционального проектирования.

Его формальное выражение — номинальный конституционализм как способ социального регулирования. В отличие от реального, советский номинальный конституционализм имел три основных особенности — полное отсутствие реализуемого характера правовых норм, отказ от судебного контроля конституционности законодательства (только политический контроль) и, как следствие, чрезвычайную гибкость (все правовые нормы могли быть наполнены любым удобным власти содержанием путем их идеологического и политического толкования).

Феномен номинального конституционализма, изобретенный большевиками и достигший наивысшего развития при сталинизме, не является, однако,

исключительно российской спецификой. Он утвердился во всех странах, строивших политическую систему в соответствии с советской моделью светской теократии — диктатуры коммунистического типа или генетически близких к ней режимов.

Мобилизационная политическая система однопартийной диктатуры не была скована собственными конституциями и правовыми ограничениями: действуя на основе революционной легитимирующей формулы, власть имела экстраординарный характер, действовала в режиме чрезвычайного положения на всем протяжении существования СССР.

4. Номинальный конституционализм выполнял ряд вполне реальных социальных функций легитимации системы — обоснования ее безальтернативности в настоящем и несменяемости в будущем, камуфлирования реальной власти. *Первая из этих задач* заключалась в признании окончательности исторического выбора общества в ходе коммунистической революции (хотя достижение утопического идеала постоянно отодвигалось в неопределенное будущее). *Вторая* — во введении такой трактовки общественного договора, которая не предполагала возможности его пересмотра в изменившихся обстоятельствах как действующими, так и последующими поколениями (формальная легкость пересмотра всех советских конституций определялась именно этим базовым принципом). *Третья* из этих функций выражалась принятием такой концепции советского государства, которая нивелировала роль подлинного носителя власти — партии и ее руководства, метаконституционный статус которого никогда не получал четкого юридически фиксированного характера.

Определяющей социальной функцией номинального конституционализма должна быть признана мобилизационная. Конституции действительно фиксируют этапы социальной трансформации, однако это не стадии социального прогресса («построения социализма»), а этапы массовой социальной мобилизации, требовавшие различной степени контроля общества государством, интенсивности подавления оппозиции, неодинаковых форм социальной коммуникации и инструментов манипулирования сознанием (смена которых определялась поиском ответов системы на внутренние и внешние информационные вызовы).

Понять устойчивость и длительность существования номинального конституционализма невозможно, поэтому, без учета экстраконституционного воздействия власти на общество — методов его социальной дрессировки, важнейшим из которых становились репрессивные кампании для закрепления новых стандартов социальной и когнитивной адаптации. Как показывает проведенное исследование, все советские конституции принимались в периоды роста репрессий — роспуска Учредительного собрания, гражданской войны и ликвидации многопартийности (Конституция РСФСР 1918 г.); подавления регионального сепаратизма и создания, по сути,

унитарной модели государства (Конституция СССР 1924 г.); подготовки политических процессов и начала Большого террора (Конституция 1936 г.); борьбы с либерализацией периода оттепели (Конституция 1977 г.). В тех случаях, когда репрессии не имели масштабного характера (как в период оттепели или горбачевских реформ), инициативы по принятию конституций не были успешны. Конституции фиксировали новые «правила игры», вводили формальные критерии разделения системного и антисистемного поведения, определяли образ врага и служили идеологическим и юридическим обоснованием направленных репрессий, легитимируя применение различных форм насилия.

В этой конструкции находит полноценное объяснение институт культа личности. Вопреки позиции современников, данный институт — не случайное явление, а имманентная функциональная закономерность. Вождь стоит над правом, выполняя функции верховного жреца идеологического культа и дирижируя всеми институтами, но оставаясь формально безответственным. Этот институт был необходим для поддержания системообразующего революционного мифа (особенно в условиях растущего понимания его утопичности), преодоления конфликта формальных и неформальных норм, номинального права и реальности, поддержания единства и иерархической структуры системы, разрешения противоречий и дисфункций (между партийными и государственными институтами), преодоления институциональных диспропорций на всех ее уровнях, в конечном счете — определения смысла социального конструирования. Именно поэтому институт культа личности последовательно воспроизводился в той или иной форме на всех этапах развития советского общества и был неизменным атрибутом всех систем советского типа.

5. Ключевой фактор эволюции советского политического режима — установление оптимального для системы соотношения формальных и неформальных норм и институтов. Противоречие формальных и неформальных норм (при всей условности их разграничения для советского общества) определило институциональную динамику системы, прошедшую стадии формирования, консолидации и формально-юридического обоснования в первой половине XX в.

На первой стадии (создания Советского государства) доминирующую роль играют неформальные практики, поскольку революционный режим в принципе отвергал право как способ социального регулирования: в теории господствовало представление о последовательном «отмирании» права и замене его новым типом общественного сознания, на практике — административная система принципиально отрицала правовые ограничения, руководствуясь принципом революционной целесообразности. Во время Октябрьского переворота и роспуска Учредительного собрания вплоть до принятия Конституции РСФСР 1918 г. доминировала

доктрина «революционного правосознания», выступавшая как обоснование суда «революционной совести» и разрушения исторического правопорядка.

На второй стадии (консолидации диктатуры) преобладающее значение приобретает поиск стабильных правовых основ системы, что в правовой теории выражено сменой доктрины «правосознания» доктриной «революционной законности», дававшей возможность при необходимости обращаться то к одной, то к другой части этой внутренне противоречивой формулы (т.е. грубой силе или законодательному регулированию), обосновывая необходимые исключения из общих правил в чрезвычайных условиях. Результатом стала дивергенция формальных и неформальных практик в условиях растущего осознания нереализуемости революционного мифа (немедленного построения коммунизма во всемирном масштабе). Их разграничение достигалась, с одной стороны, путем последовательной юридической фиксации норм и институтов номинального конституционализма, закрепления их иерархии в правовой системе и четкого порядка их пересмотра (законность); с другой — за счет последовательного выведения неформальных норм и практик за скобки правового регулирования (революционная целесообразность). Данный подход доминировал в период образования СССР и принятия его Конституции 1924 г.

На третьей стадии — решалась проблема согласования формальных и неформальных норм через когнитивное манипулирование (двоемыслие) и устрашение (террор). Смысл институциональной трансформации состоял в замене старых правил и форм когнитивной и социальной адаптации новыми — жестком разделении формальных и неформальных институтов, превращении первых в полностью декоративные, вторых — в реально действующие. Проблема согласования двух типов норм номинального и реального права была решена принятием Конституции СССР 1936 г. (система норм формального права), социальной мобилизацией (кампания по ее «всемирному обсуждению») и подавлением оппонентов, способных дать ее неконвенциональную (для режима) интерпретацию. Конституция «победившего социализма» 1936 г., принятая в канун «большого террора» 1937–1938 гг., и сопровождавшая ее кампания внешнего и внутреннего политического пиара, заложила основы советского мифа, представила его когнитивное оформление (знаменитое «двоемыслие») и четкое юридическое выражение. Пересмотр этого мифа и определявшегося им реального механизма взаимодействия формальных и неформальных институтов становился невозможен без отказа от несущих основ системы. Теоретическим выражением данной системы стала доктрина «социалистического правового порядка», рассматривавшая диктатуру как фундаментальную предпосылку и единственный источник права, принятая с середины 1930-х гг. и действовавшая до конца советского режима.

6. Вызовы глобализации, информатизации и распространения идеологии прав человека во второй половине XX в. обозначили кризис данной системы — сформировали запрос на пересмотр революционной легитимирующей формулы и движение в направлении реального конституционализма. Интуитивное ощущение постсталинским руководством правовой нестабильности, институционального паралича и потери управляемости стимулировало дискуссию о де-бюрократизации политической системы, стремление кодифицировать и юридически выразить принципы ее устройства и функционирования. Выделим три стадии эрозии политической системы и ее легитимирующей формулы.

Первая стадия на этом пути — поиск путей конвергенции формальных и неформальных норм во имя сохранения эффективности режима в условиях остывания революционной лавы, когда теряли действенность доминировавшие ранее экстраправовые формы социальной мобилизации, основанные на революционном энтузиазме и массовом терроре. Методом решения проблемы в период оттепели стала попытка последовательной правовой фиксации утопических идеологических принципов системы. Это решение (зафиксированное Программой партии 1961 г.) не выходило за рамки основополагающей революционной формулы и попытки возрождения ее метафизической мессианской роли (в виде идеи немедленного перехода к коммунизму). Основная причина провала проекта несостоявшейся Конституции СССР 1964 г. — невозможность конституировать утопию и создать систему норм и институтов, способных реально функционировать на этой основе.

Вторая стадия — попытка элиты прагматически решить проблему институциональной стагнации путем модификации легитимирующей формулы режима с позиций движения к реальности. Революционный потенциал легитимирующей формулы сменяется охранительным, а его воплощением становится юридическая позитивация принципов и институтов, влияющих на производство правовых норм. Этим объясняются скрытые мотивы, идеологические аргументы и институциональные практики, выражающиеся понятием «ползучей конституционализации» тех неформальных принципов и норм, которые реально определяли функционирование системы, но ранее сознательно выводились из сферы формального правового контроля. Ключевой проблемой по-прежнему оставалось отношение государственных (советских) и партийных структур, а наиболее острая дискуссия шла по вопросу о необходимости юридического определения института партии и его руководящей роли. Момент истины для системы — включение в Конституцию положения о партии как «ядре политической системы», позволявшее ставить вопрос о правовых границах и ответственности ее роли. Статья 6 Советской конституции 1977 г. о руководящей роли партии, ставшая результатом этой дискуссии, оказалась едва ли не единственной, полностью соответствующей

социальной реальности так называемого «развитого социализма».

Третья стадия — коллапса системы и ее легитимирующей формулы. Перестройка Горбачева (1985–1991 гг.) — завершающий этап всего революционного проекта, не покушавшийся, однако, на его легитимирующую формулу. Это — идейная реформация, а не революция или реформа в узком смысле (как ее интерпретируют в литературе). Характерны параметры трансформации: отсутствие системного плана преобразований, отказ от использования западных моделей; ретроспективная ориентация (восстановление так называемых «ленинских норм»); использование эвфемизмов («гласность» — вместо свободы слова); отсутствие полноценной стратегии конституционных реформ (обращение к предшествующему хрущевскому проекту); стремление опереться на старые недееспособные институты («передача власти от партии к советам»); спонтанность проведения и запоздалый характер.

Движение от утопии к реальности в рамках перестройки выразилось в осознанном стремлении одновременно решить три задачи — трансформировать идеологию в право, номинальное право — в действующее, и приблизить его к реальности. Причины провала данной стратегии — невозможность заставить номинальные правовые нормы действовать как реальные. Когда система попыталась рассматривать утопические ценности и нормы номинального конституционализма как действующие («социалистический» плюрализм, федерализм и парламентаризм), это привело к потере управляемости и крушению однопартийной диктатуры, поскольку выяснилась практическая неэффективность номинальных институтов в новых условиях информационной открытости.

Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства в обратном порядке: пересмотр роли КПСС как гаранта Конституции поставил вопрос о движении к реальному конституционализму, но отсутствие адекватных механизмов правового разрешения конфликтов между республиками по линии бикамерализма и конституционного правосудия делали естественным прямое обращение к аутентичному смыслу конституционных (договорных) гарантий федерализма. Отказ от унитаристского начала вел к децентрализации власти по линии номинального федерализма, а последняя завершилась распадом страны на основе конфедеративного принципа самоопределения национальных государств и раскола единой политической элиты. Описав полный круг, советский эксперимент в 1991 г. вернул страну к начальной точке — ситуации распада Российской империи в 1917 г. Основными позитивными результатами перестройки стали — деидеологизация общества, отмена однопартийной диктатуры, конституирование протопарламента, введение поста президента СССР, наделенного сверхпредставительными полномочиями.

Общая динамика советской политической системы, осуществлявшаяся в рамках революционной

легитимности, оказалась неспособной преодолеть институциональный паралич, заложив основы постсоветской когнитивной модели социального конструирования.

7. С этих позиций нами решается вопрос о разрыве и преемственности имперской (монархической), революционной (советской) и современной республиканской (президентской) формул власти, влиянии советской легитимности на результаты конституционной революции 1993 г. и логику формирования постсоветской политической системы.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы империи 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской (или смешанной) республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами — «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»; 4) переходный режим периода перестройки, определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»; 5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление суперпрезидентской власти.

В отличие от классических европейских революций XVII–XIX вв., русская революция не знала завершающей фазы реставрации как реализованного компромисса общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности в форме восстановления монархии. Эту задачу приходится решать современному (постсоветскому) режиму, что определяет особенности его легитимирующей формулы (обращение одновременно к советским и имперским традициям и символам).

Эволюция легитимирующей формулы режима в XX в. определяется прежде всего стремлением элиты приспособить ее к меняющимся социальным отношениям (смена теоретических конструкций — «диктатура пролетариата», «власть трудящихся», «общенародное государство» «демократический социализм», «социалистический плюрализм», президент «Всея Руси»). Модификация легитимирующей формулы и юридические изменения, отражавшие влияние внутренних и внешних факторов системной консолидации, выражали не только идеологические приоритеты, но и различный тип функционирования режима — революционная партийная диктатура, единоличная тирания, олигархия, президентский авторитаризм.

Таким образом, начало и конец революционного цикла XX в. — практически совпадают: в обоих

случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть — не наследственная, но теоретически избираемая. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства-политического лидера остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. При всех разрывах формально-правового обоснования восстанавливается преемственность имперской, революционной и республиканской формул — российское имперское президентство.

8. Природа и структура постсоветского политической системы определяется исторической традицией, новой легитимирующей формулой и задачами постреволюционной стабилизации. Выход из кризиса был найден в конституционной революции и принятии Россией Конституции 1993 г., заложившей основы новой легитимирующей формулы власти и формирования постсоветского политического режима ограниченного плюрализма. Конституция 1993 г. последовательно приняла формулу Учредительного собрания — определила Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, одновременно наделив президента огромными конституционными полномочиями — гаранта конституции, главы государства, определяющего приоритеты внутренней и внешней политики, практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона. Б. Ельцин в сущности сделал то, что не сделал А. Керенский в 1917 г. — ликвидировал однопартийную монополию, распустив квазидемократические советы и установив президентский авторитаризм (чрезвычайное положение, указное право и быстрое принятие новой Конституции недемократическим путем — в обход существовавших правовых ограничений). Тем самым постсоветский конституционный цикл завершился принятием такой формулы власти, которая уже в момент своего появления на свет определялась как «латентная монархия» (достаточно указать на выразительные черты сходства новой политической системы с монархическим режимом кануна революции). Она укрепилась с переходом постсоветского политического режима в реставрационную фазу.

Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм — конституционно-демократической (всенародные выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархической (неограниченный характер власти главы государства, поставленной над системой разделения властей). Синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепциях

«демократического цезаризма», медиабонапартизма, персоналистского режима и символике имперского президентства. Принятие данной формулы в условиях конституционного кризиса 1993 г. рассматривалось как временный и исключительный способ преодоления исторической традиции, но стало ее новой модификацией. Когнитивная редукция конституционных принципов определила последовательное расширение метаконституционных полномочий президента — магистральное направление постсоветской политической системы.

9. Революционный проект, столетие спустя после его начала, в сущности не получил полноценного завершения. Если социальная трансформация традиционного общества состоялась (как переход к светскому, индустриальному, массовому обществу), то политическая трансформация — не завершена до сих пор. Программа либеральных политических преобразований, сформулированная Февральской революцией, сохраняет актуальность по всем важнейшим параметрам.

Русская революция (в отличие от Французской) за столетие не решила проблему национальной идентичности, формирования гражданской нации и действенных механизмов децентрализации (полноценного федерализма); не создала устойчивых гарантий частной собственности как основы рыночной экономики; не привела к созданию правового государства и рациональной бюрократии. В ходе революционного процесса не были созданы прочные основы демократической легитимности власти, в частности, правовые процедуры передачи власти от одного лидера другому. В XX в. это всегда спонтанный процесс, не поддающийся рациональному прогнозированию (в лучшем случае внутриэлитные договоренности или дворцовый переворот, в худшем — революционная смена власти). Не возникло полноценной национальной политической элиты, проникнутой едиными демократическими ценностями и с этих позиций отстаивающей интересы государства. До сих пор не решена проблема восстановления культурной, правовой и политической преемственности дореволюционной, советской и постсоветской России.

Столетие спустя революции 1917 г., Россия оказалась в границах XVII–XVIII вв., с радикально сократившейся численностью населения, низким экономическим ростом (особенно заметным на фоне его поразительных темпов в начале XX в.), незавершенной демократической консолидацией и авторитарной системой политической власти. Однако она приобрела уникальный исторический опыт, адекватное понимание которого способно предотвратить повторение революционных социальных катастроф подобного масштаба в будущем.

10. Стабилизация системы делает актуальным общественный выбор — переход к полноценному конституционализму и его институтам или сохранение имитации — воспроизводство модели мнимого

конституционализма, имитационной многопартийности и авторитарной системы правления.

Перспективы преобразований определяются следующими императивами демократической консолидации: отказ от революционного мифа и широко распространенных представлений об «особом пути» российского общества во всемирной истории, будто бы вынужденного постоянно выбирать между анархией и диктатурой; преодоление устойчивых традиций абсолютизма, советской диктатуры и современных форм авторитаризма и, напротив, возрождение культуры либерального конституционализма; преодоление исторического отчуждения общества и власти, выстраивание стабильной правовой и институциональной системы, ликвидирующей разрыв формально-правовых и неформальных антиконституционных практик, ведущих к воспроизводству авторитарной системы власти.

Приоритеты демократических конституционных реформ — переход к правовому государству, реальному конституционализму, федерализму и политической конкуренции (многопартийности); функционирующий парламентаризм и ответственное

правительство; пересмотр режима неограниченной власти главы государства и замена ее подконтрольным обществу национальным лидерством с понятной правовой процедурой сменяемости власти, в целом — переход от режима имперского президента к режиму аутентично функционирующей смешанной формы правления.

Революция заканчивается только тогда, когда в обществе возникает культура демократии, завершается демократическая консолидация, а конституция становится действенной основой функционирования политического порядка. России предстоит еще длительный путь по формированию нового правового сознания, либеральных конституционных институтов и практик. Только после решения этих проблем мы сможем уверенно заявить: конец русской революции есть свершившийся факт.

Статья суммирует итоги новейшего исследования автора: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС 1917 ГОДА В РОССИИ В ОЦЕНКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ И ИДЕОЛОГОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Вострикова Влада Владиславовна,
доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных дисциплин
Орловского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат исторических наук
vostr68@mail.ru*

В статье рассматриваются взгляды либеральных идеологов и политиков начала XX в. на революцию 1917 г. в России. Отмечается, что они вписывали события 1917 г. в контекст единого революционного процесса в России начала XX в. Либералы признавали наличие тесной взаимосвязи между Февралем и Октябрем, но расходились во мнении о необходимости выделения двух стадий революционного процесса в 1917 г. Важнейшей проблемой осмысления событий 1917 г. для либералов был вопрос о причинах развития революции от политической к социальной стадии. Они указывали на совокупность объективных (закон развития революций) и субъективных (политика Временного правительства, активная деятельность большевиков и особенности менталитета масс) факторов. В отношении оценки результатов революции 1917 г. в либеральной среде высказывалось несколько мнений. Сторонники Миллюкова считали, что революция может быть оправдана как средство полного разрыва с прошлым, фактор зарождения новой свободной России. Их оппоненты подчеркивали разрушительный потенциал революции, сравнивая ее со Смутным временем. Либералы заложили основы изучения революции как сложного, многофакторного процесса, а не одномоментного события. В русле данного понимания революции происходит ее переосмысление на современном этапе отечественной историографии.

Ключевые слова: либерализм, Октябрьская революция, революция 1917 г., революционный процесс, Февральская революция.

The Revolutionary Process of 1917 in Russia as Assessed by Liberal Politicians and Ideologists of the Early XX Century

*Vostrikova Vlada V.
Assistant Professor of the Department of Mathematics, Informatics and General Humanities
of the Orel branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Candidate of Historical Sciences*

The article examines the views of liberal ideologists and politicians of the early twentieth century to the revolution of 1917 in Russia. It is noted that they inscribed the events of 1917 into the context of the single revolutionary process in Russia at the beginning

of the 20th century. The liberals recognized the close relationship between February and October, but disagreed on the need to single out two stages of the revolutionary process in 1917. The most important problem of understanding the events of 1917 for the liberals was the question of the reasons for the development of the revolution from the political to the social stage. They pointed to a combination of objective (the law of the development of revolutions) and subjective (the policy of the Provisional Government, the active activity of the Bolsheviks and the peculiarities of the mentality of the masses) factors. With regard to the evaluation of the results of the 1917 revolution, several opinions were expressed in the liberal environment. Milyukov's supporters believed that the revolution could be justified as a means of completely breaking with the past, a factor in the birth of a new, free Russia. Their opponents emphasized the destructive potential of the revolution, comparing it with the Time of Troubles. The liberals laid the foundations for studying revolution as a complex, multifactorial process, rather than a one-stage event. In the context of this understanding of the revolution, its rethinking is taking place at the present stage of Russian historiography.

Key words: liberalism, October revolution, revolution of 1917, revolutionary process, February revolution.

100-летний юбилей революции 1917 г. в России в ракурсе историографического подхода может рассматриваться как рубежная дата, позволяющая научному сообществу подвести некоторые промежуточные итоги изучения одного из ключевых событий истории страны в XX в. и одновременно обозначить основные направления дальнейших научных исследований.

Анализ трактовок различных аспектов революционного процесса 1917 г., сформулированных отечественной историографией в последнее 20-летие, позволяет констатировать их совпадение по ряду позиций с оценками, высказанными либеральными идеологами и политиками — свидетелями и участниками тех событий. Данное обстоятельство побуждает современных исследователей обратиться к более пристальному рассмотрению взглядов либералов на события 1917 г. Следует отметить, что в отечественной историографии обозначенная тематика является составляющей ряда исследований, посвященных отдельным представителям российского либерализма¹, а также затрагивается в качестве сюжетов в ряде обобщающих монографических работ².

Научная новизна настоящей статьи заключается в попытке комплексного анализа восприятия ведущими либеральными политиками и идеологами революции 1917 г. в России как единого процесса, дискуссий в либеральных кругах по поводу выделения его стадий, а также итогов революционных потрясений. Источниковую базу работы составили мемуары, публицистика, переписка либералов, а также их научные исследования.

События 1917 г. либералы вписывали в контекст единого революционного процесса в России начала XX в., утверждая их имманентную связь с револю-

цией 1905–1907 гг. Так, Е.Н. Трубецкой в мае 1918 г. в предисловии к переизданию сборника «Два зверя», включавшего 6 его статей, опубликованных в 1906–1909 гг. и вызванных «переживаниями первой русской революции», отмечал, что события 1917 г. есть «продолжение и развитие *единого исторического процесса, объединяющего обе революции*»³. П.Н. Милюков называл революцию 1905 г. «пробной», а 1917 г. — «окончательной, настоящей»⁴. А.С. Изгоев, П.Б. Струве в сборнике «Из глубины», написанном в 1918 г., трактовали революцию 1905 г. как «первое предостережение», обозначившее контуры грядущей «моральной и политической катастрофы», разразившейся в 1917 г.⁵ «Немногие поняли тогда грозный для государства смысл открывшихся предзнаменований, — с сожалением констатировал Изгоев. — Нынче нас постиг второй удар, неизмеримо более сильный сравнительно с первым»⁶. В.А. Маклаков писал В.В. Шульгину в 1922 г.: «... понять 1905 год, ...значит получить в руки надежный реактив, чтобы разобраться и в 1917 году»⁷.

Определяя хронологические рамки второй российской революции, либералы не увязывали ее окончание с приходом к власти большевиков. «Большевистская победа... лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее», — указывал, в частности, Милюков⁸. «Время от марта до ноября 1917 года было только предисловием к Русской Революции, — писал Изгоев. — «Настоящее» началось после того, как пришла в движение десятиmillionная армия и зашевелилось стомиллионное крестьянство»⁹.

Идеологи либерализма признавали наличие тесной взаимосвязи между Февралем и Октябрем.

¹ Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милюкова. Сергиев Посад, 2005; Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006; Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001; и др.

² Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2011; Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009; Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017; Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме, будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; и др.

³ Трубецкой Е.Н. Старое и новое (вместо предисловия) // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 299.

⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж, 1927. С. 2.

⁵ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 361; Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. С. 209.

⁶ Там же. С. 361.

⁷ Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М., 2012. С. 87.

⁸ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. С. 41; См. также: Струве П.Б. Эволюция революции // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 574.

⁹ Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932) // Труды по россиеведению: сб. научн. тр. М., 2009. Вып. 1. С. 344.

«...Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс», — настаивал Струве¹⁰. «Кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине», — указывал П.И. Новгородцев¹¹. Исходя из этого, часть либералов считала исторически неоправданным выделение двух стадий в революции 1917 г. Стоявший на такой позиции И.В. Гессен писал: «Никаких двух революций не было, а была одна революция — большевистская и был подготовительный в ней период, в течение которого она раскачивалась и который длился месяцев восемь... народное движение развивалось непрерывно и прямолинейно от Марта к Октябрю и дальше»¹². Мнение Изгоева во многом совпадало с оценками Струве. Разграничение февральско-мартовской и октябрьской революций политически-психологически в известном смысле возможно, указывал он, но «социологически-исторически и метафизически-духовно оно совершенно не состоятельно», ибо вся революция, как народное движение, рождалась и родилась из духа большевизма¹³. К 10-летию Февраля Струве опубликовал статью с характерным названием «Исторический выкидыш», в которой он настаивал, что «эта революция в истории России и всего мира не имеет никакого самостоятельного значения... она явилась прелюдией к большевистской революции» и «не есть просто неудача, а именно — *исторический выкидыш (курсив в тексте. — В.В.)* со всеми чертами, присущими такого рода явлениям»¹⁴. В самостоятельном значении Февралю отказывал и Маклаков. «...Я с ненавистью и презрением отношусь к «великой» мартовской революции», — писал он, ибо она «прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией», не будь «настоящей» — октябрьской революции¹⁵.

Иная позиция представлена Милюковым, четко делившим революционный процесс 1917 г. на 2 этапа: Февральскую революцию — «бескровную», «национальную», «разумную», объединившую все части нации и политические группы в борьбе «с устаревшей политической формой», и Октябрьскую революцию — «интернациональную», разъединившую нацию и ставшую сигналом длительной гражданской войны, в которой были применены худшие виды насилия¹⁶. Цели революций, по Милюкову, существенно различались: если февральская имела «национальное

задание» «спасти Россию от поражения», то цели Октября «были явно утопическими — коммунизм в России и во всем мире»¹⁷. Аналогично мнение кадетов Г.А. Линда, Г.И. Виленского, Н.С. Тимашева, считавших первый этап — мартовский — «творческим», несшим потенции для дальнейшего созидания в либерально-демократическом направлении, а второй этап — большевистский — отрицанием не только начинаний мартовского периода, но и достижений революции 1905 г.¹⁸

Следует отметить, что оценка Февральской революции, данная Милюковым в эмиграции, была выдержана в той же тональности, как и по «горячим следам». Тогда, в феврале 1917 г., падение монархии подавляющим большинством либералов было встречено с воодушевлением. Либеральная пресса пестрила сравнениями революции с «грозой», «ураганом», «стихией», причем подчеркивалось, что разрушение в данном случае было не самоцелью, но необходимым условием уничтожения препятствий для последующего созидания¹⁹. Февральская революция, позиционировавшаяся либералами как политическая, по их убеждению, смела отжившую, чуждую народу власть, создала предпосылки для реализации либеральной программы переустройства страны, тем самым положила начало «новой эпохе русской истории»²⁰. В событиях Февраля либералам виделся логический результат освободительного движения, завершающий акт глобального политического преобразования, начатого в период Первой российской революции. По их мнению, вторая революция создала условия для реализации прав и свобод граждан, которые были юридически сформулированы в 1905 г.²¹ За «восстановление значения человеческой личности», писала «Речь» в марте 1917 г., Февральская революция «может быть названа великой»²².

Либеральные идеологи и политики настаивали на определении Февральской революции как «народной» и «надпартийной». «Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, ... все ... живые общественные силы страны. ... Это — революция всенародная, в высшем значении слова», «национальная революция», — писал Трубецкой²³. 3 июня 1917 г. на частном совещании членов Госдумы Милюков, отвечая на им же поставленный вопрос: «Какова наша революция?», заявил: «Она есть революция *национальная (курсив в тексте. — В.В.)*, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собою задачи, которые должен осуществить весь народ,

¹⁰ Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее (Мысли о национальном возрождении России) // Струве П.Б. Избранные труды. М., 2010. С. 484.

¹¹ Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 428.

¹² Руль. 1924. 14 февр.

¹³ Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее. С. 486–487.

¹⁴ Он же. Исторический выкидыш // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., Париж, 2004. С. 242.

¹⁵ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3-х т. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001. С. 478.

¹⁶ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 39–40.

¹⁸ Руль. 1922. 8 июня; См. также: Струве П.Б. Знаменательное 25-летие // Струве П.Б. Дневник политика. С. 568.

¹⁹ См., например: Трубецкой Е.Н. Народно-русская революция // Речь. 1917. 5 марта.

²⁰ Там же; Государственный переворот. 27 февраля — 2 марта 1917 года // Вестник Европы. 1917. № 2. С. V.

²¹ Речь. 1917. 9 марта.

²² Там же. 22 марта.

²³ Трубецкой Е.Н. Указ. соч.

которые только *весь* (курсив в тексте. — В.В.) народ и может осуществить»²⁴.

Подобно другим, с энтузиазмом встретил Февраль П.Б. Струве: «Величайшее мировое событие», «историческое чудо», которое «прожгло, очистило и просветлило»²⁵. Однако впоследствии оценки Струве стали диаметрально противоположными: «великое национальное несчастье», «злосчастная революция», родившаяся, как и Октябрь, «в массовом ослеплении»²⁶.

В феврале-марте 1917 г. одним из тех, чей голос «выпадал» из общего восторженного настроения либералов, был Маклаков. Его скептицизм базировался на опасении, что события пойдут не по тому сценарию, на который рассчитывают политики, ибо Маклаков не верил в способность общественности, не имевшей опыта, управлять страной.

Оценки либералами событий Октября 1917 г. и «по горячим следам», и впоследствии были отрицательными, причем преобладающей тенденцией можно признать усиление негативизма по мере выявления социально-экономических, политических, духовных последствий политики большевиков. Воззвание ЦК кадетской партии от 27.10.1917 гласило: «Насильники-большевики в час грозной опасности для России путем мятежа, опираясь на воинские части, ими обманутые..., захватили власть в Петрограде», арестом Временного правительства «сделана предательская попытка прервать преемственность власти», «вместо правительства, признанного всей страной, навязать стране волю ничтожного меньшинства»²⁷. Изгоев, спустя 5 лет после большевистского переворота, писал: «На большевиков в октябрьские дни смотрели, как на захватчиков-авантюристов, царствие которых будут считать если не неделями, то месяцами»²⁸.

Анализируя события 1917 г. в эмиграции, либеральные идеологи и политики вынуждены были внести коррективы в свои теоретические представления о революции, в частности, отказаться от тезиса о расчлененности двух составляющих понятия революции — политической и социальной, ибо в 1917 г. они оказались слитыми в единое целое.

Либералы пытались понять, почему революция не остановилась на первой стадии — мартовской? С одной стороны, признавалось существование некоего «общего закона» развития революций, согласно которому, указывал Милюков, все «настоящие»

революции проходили 2 стадии: начинались они «сравнительно скромно и сдержанно, — и все развивали крайние тенденции по мере того, как власть ускользала из рук умеренных групп, захвативших ее первоначально, и попадала в руки импровизированных вождей неорганизованных масс»²⁹. Происходило это потому, что массы не хотят останавливаться на достигнутом — замене старой власти известными лидерами, а жаждут идти дальше в надежде, что получат больше. «Революция есть сложный и длительный процесс: постепенная смена настроений в широких социальных слоях», писал Милюков, она «должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар *должен* (курсив в тексте. — В.В.) выжечь до тла все, что уцелело от низвергаемого порядка, — не только все учреждения, но и все пережитки психологии... она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и наверное не имеющих связи с прошлым»³⁰. Объективную закономерность развития революций отмечал и Новгородцев: «Каждая стихийная революция имеет свой естественный ход; она должна пройти свой путь до конца...»³¹.

Вместе с тем либералы находили ряд субъективных моментов в событиях 1917 г., которые сделали фактически неизбежным развитие революции по такому сценарию. Одним из них признавалась политика Временного правительства, исходившая, по мнению Новгородцева, из глубоко ошибочного и опасного для самого существования государства посыла о том, что ключевым принципом государственного управления должна стать «система свободы», предполагавшая не только «добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти», но и предоставлявшая массам право самим определить «меру завоеваний революции»³². Такая позиция была официально провозглашена в воззвании Временного правительства к населению от 26.04.1917. В этой же тональности выдержаны многие публикации кадетской «Речи» в марте-апреле 1917 г. Так, 10 марта газета сообщала о «могучем развитии общественной самостоятельности» как в столице, так и в провинции, что, по ее мнению, свидетельствовало о том, что «население... в полной мере сознает свои права и чувствует лежащую на нем ответственность»³³. На практике, отмечал Новгородцев, установка «все должно быть предоставлено свободе, ... все образуется», проистекавшая из убеждения, что «освобожденный от старых пут народ проявит» государственную «мудрость», привела к тому, что революция была отдана «на произвол стихийных сил», а Временное правительство «в своем стремлении как можно менее походить на старую власть... и вовсе перестало быть властью.

²⁴ Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. М., Л., 1932. С. 108.

²⁵ Струве П.Б. Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. № 2; Он же. Наша задача // Русская свобода. 1917. № 1. С. 3–5.

²⁶ Он же. Два великих несчастья // Струве П.Б. Дневник политика. С. 107–108; Он же. Не политическая борьба, а безответственность // Там же. С. 269.

²⁷ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. Т. 3. М., 1998. С. 409.

²⁸ Изгоев А.С. 5 лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 13.

²⁹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. 40.

³⁰ Там же. С. 40–41.

³¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.

³² Там же. С. 427–428.

³³ Ответственность демократии // Речь. 1917. 10 марта.

Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия»³⁴. Аналогично мыслил Набоков, отмечавший, что идеология Временного правительства была «сродни идеологии анархизма»³⁵. По мнению Милюкова, Временное правительство запаздывало с решением затрагивавших интересы большинства народа социальных проблем, прежде всего аграрной. На это наложились неспособность найти выход из войны. «Коренные проблемы революции остались нерешенными, хотя и были ... поставлены во весь рост, — констатировал лидер кадетов. — Фатально государственный корабль несло течением к крутому обрыву»³⁶.

Политика Временного правительства, указывая Новгородцев, объективно играла на руку деструктивным силам, для которых «Россия была лишь костром для мирового пожара», — большевикам³⁷. Они снижали поддержку масс путем потакания их «грубым инстинктам, буйным и слепым страстям»³⁸. Струве считал роковой ошибкой недооценку Временным правительством опасности большевизма, непринятие им адекватных пропагандистских и силовых мер для его подавления. «Не сила противогосударственного нападения со стороны большевиков и полубольшевиков обусловила собою успех удара, т.е. возможность крушения государства, а *бессилие* (*курсив в тексте. — В.В.*) государственного *сопротивления* (*курсив в тексте. — В.В.*) или отражения со стороны противобольшевиков», — писал либерал³⁹.

Таким образом, по мнению либералов, реализацию в 1917 г. в России объективных закономерностей развития революционного процесса сделала возможной комбинация 3 субъективных факторов: политика Временного правительства⁴⁰, активная деятельность большевиков и особенности менталитета масс. «Революция с самого начала была обречена на тот конец, к которому она пришла», — настаивал Новгородцев⁴¹.

Важнейшим вопросом в процессе осмысления революции 1917 г. для либералов была оценка ее значения для судеб России. Милюков и его единомышленники кроме разрушения — бросающегося в глаза зла, находили в революции и завоевания — некое новое добро, за которое она могла быть оправдана и принята. Они считали, что революция 1917 г.

настолько глубоко перепахала почву, что «возврата к царской России уже быть не может»⁴². Это, по мнению либералов, роднило русскую революцию с английской революцией XVII в. и Великой французской революцией⁴³. «Наше отношение к революции может быть... только положительным», — утверждал Милюков, ибо она несла в себе конструктивное начало будущей трансформации России в либеральном духе⁴⁴. Аналогичной позиции придерживался П.П. Гронский, видевший великую историческую роль русской революции в том, что она заложила «основу будущего национального раскрепощения и оздоровления страны»⁴⁵. Либералы считали, что под скорлупой большевизма зреет новая Россия — народ почувствовал себя субъектом исторического процесса и скоро начнет реализовывать это — освободится от власти большевиков.

Однако милюковская формула «приятия революции» имела немало противников в либеральных кругах. В частности, Струве определил ее как «преклонение перед пагубным и злым фактом только за то, что он произошел», ибо «реально никаких других плодов или завоеваний революции, кроме разрушений и смертей, не имеется»⁴⁶. Маклаков, в принципе допуская возможность позитивной оценки революции 1917 г. потомками («Суд истории и суд современников разный, и должен быть разным»), настаивал, что для ее современников, «которые видят, как эта революция делалась и куда она привела Россию, ... считать обязательным преклоняться перед этой революцией, значит грешить моралью», ибо «революция была только крушением старого, разрушением»⁴⁷. Маклаков, как и Струве, считал неоправданным с точки зрения результатов и Февраль, поскольку даже в случае успешного осуществления его программы Временным правительством «получилось бы только то, к чему Россия шла и без того эволюционным путем, к чему она пришла бы и без революции, хотя и позднее, но с меньшими жертвами»⁴⁸.

Сторонники такой точки зрения обозначили итоги революции 1917 г. множеством ярких метафор, отражавших ее различные негативные аспекты: крушение российской государственности, «беспримерный государственный разгром»⁴⁹, «национальное банкротство и мировой позор»⁵⁰, «величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа»⁵¹

³⁴ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 427–430.

³⁵ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции Т. 1. Берлин, 1921. С. 65.

³⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 201.

³⁷ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 427.

³⁸ Там же. 428, 433.

³⁹ Струве П.Б. Ключ к пониманию прошлого // Струве П.Б. Дневник политика. С. 458.

⁴⁰ Набоков В.Д., в частности, признавал политику Временного правительства решающим фактором в процессе «углубления революции», отмечая, что большевистский переворот «стал возможным и таким удобоисполнимым только потому, что исчезло сознание существования государственной власти, готовой решительно отстаивать и охранять гражданский порядок»: Набоков В.Д. Указ. соч. С. 39.

⁴¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 429.

⁴² Последние новости. 1924. 24 мая.

⁴³ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 29.

⁴⁴ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии, май 1920 — июнь 1921. Т. 4. М., 1996. С. 412.

⁴⁵ Последние новости. 1923. 31 марта, 12 апр.

⁴⁶ Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее. С. 487.

⁴⁷ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 470, 472.

⁴⁸ Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 292.

⁴⁹ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм. С. 362.

⁵⁰ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 459.

⁵¹ Котляревский С.А. Оздоровление. С. 401.

и т.п. По словам Новгородцева, революция, приведшая Россию на край гибели, являла собой «не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию»⁵².

Революция уподоблялась Смуте начала XVII в. По словам Новгородцева, всякий раз, когда он перечитывал «замечательное изображение Смутного времени в курсе Ключевского», он находил «множество сходств того времени» с событиями 1917 г.⁵³ В частности, «какими бы новыми коммунистическими лозунгами ни прикрывалась русская Смута XX века», указывал либерал, сутью ее было «стремление общественных низов прорваться наверх и столкнуть оттуда верховников». И так же, как и двести лет назад, «почин в разрушении общественного порядка принадлежал верхам общества» с той лишь разницей, что «низы на этот раз предупредили замыслы верхов и увлекли их за собою на путь «революционного правотворчества снизу»», отринув «сначала... патристические лозунги верхов», а затем сбросили и их самих, «отдавшись под власть открытым демагогам, поставившим все на грубые инстинкты, на буйные и слепые страсти масс»⁵⁴. «В смуте XVII в. есть удивительно много черт, сходных с современными событиями: то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы», — писал Струве, называя также революцию «пугачевщиной во имя социализма»⁵⁵. Смутой называл революцию и Изгоев⁵⁶.

Аналогии с Великой французской революцией отвергались. «По существу, т.е. по содержанию и по смыслу, русская революция нисколько не подобна и даже не похожа на французскую», — утверждал Струве⁵⁷. Последняя не только на словах провозгласила, но и на деле провела свободу промышленности и торговли, а русская революция «есть прежде всего натурально-хозяйственная реакция против капитализма, насильственное упрощение и обеднение всей хозяйственной жизни страны во имя и ради экономического равенства»⁵⁸.

Подводя итог, следует отметить, что события 1917 г. заставили российских либеральных идеологов и политиков в значительной мере пересмотреть их представления о революции, базировавшиеся на опыте классических «буржуазных» революций в Европе XVIII–XIX вв. В частности, было опровергнуто положение о том, что основная опасность демократическому строю исходит «справа» (угроза контрреволюционной диктатуры и последующей реставрации монархии), а не «слева» (опасность установления диктатуры якобинского типа). «Главный урок, который мы извлекли из нашего опыта, — писал

Струве, — заключается в том, что всякие движения, таящие в себе опасность большевизма, должны вызывать своевременный, решительный... максимальный отпор... С ставящими себе задание «социальной революции» движениями необходима прямая и до непримиримости решительная борьба всех международных сил, всех здоровых и крепких... государств»⁵⁹.

Помимо того, либералы акцентировали внимание на проблеме соотношения стихийного и сознательного в политических процессах. «Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи», — отмечал Милюков⁶⁰. В итоге, указывал Струве, «...подлинный лик революции оказался совсем не тем, о каком мечтала русская интеллигенция, даже социалистическая. Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он»⁶¹. Да и сама либеральная интеллигенция, подчеркивал Новгородцев, обнаружила «свою политическую незрелость и ... неспособность к власти и к управлению»⁶². В итоге революция оказалась гибельной для самой интеллигенции.

Вообще тема ответственности интеллигенции за революцию оказалась лейтмотивом размышлений о последней у подавляющего большинства либералов. И здесь речь шла не столько о «неумении управлять», сколько об ответственности интеллигенции (социалистической, а, в частности, у Маклакова — и либеральной) за идейную подготовку революции⁶³. «Русская интеллигенция, — считал Изгоев, — понесла свою кару за нежелание и неумение организовать постепенный переход от абсолютизма к правовому строю»⁶⁴.

По убеждению либералов, ход русской революции должен заставить задуматься над проблемой прогнозирования политических процессов, «о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция»⁶⁵.

Милюков предлагал также пересмотреть мнение о пассивности народных масс. Они «принимали от революции» только то, что соответствовало их потребностям, «но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов», — писал он⁶⁶. Новгородцев

⁵² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 429.

⁵³ Там же. С. 435–436.

⁵⁴ Там же. С. 433.

⁵⁵ Струве П.Б. Размышления о русской революции. С. 443, 453.

⁵⁶ Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). С. 354.

⁵⁷ Струве П.Б. Этапы крушения. С. 424.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Струве П.Б. То, о чем должно помнить и напоминать. С. 245.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. С. 452.

⁶² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 430.

⁶³ См. подробнее: Вострикова В.В. Предпосылки революции 1917 г. в России в интерпретации либеральных политиков и идеологов // Булгаковские чтения: сборник научных статей по материалам X Международной научной конференции / под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017. С. 215–222.

⁶⁴ Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). С. 359.

⁶⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 12.

⁶⁶ Там же.

отмечал окончательное крушение в революции веры в созидательную силу масс⁶⁷.

В русле современной социологии революции лежит трактовка либералами начала XX в. революции как духовного кризиса.

Либеральные идеологи и политики настаивали на том, что русская революция имеет всемирно-историческое значение, ибо «она есть практическое опровержение... эгалитарного социализма», отрицающего два начала, «на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности, и идеи расценки людей по их

личной годности, в частности, по их экономической годности»⁶⁸. Осознание справедливости этой оценки революции 1917 г. в России пришло к нам только в конце XX в.

В целом, можно констатировать, что анализ либеральными политиками и идеологами начала XX в. революционного процесса 1917 г. в России заложил основы изучения революции как сложного, многофакторного процесса, а не одномоментного события. В русле данного понимания революции происходит ее переосмысление на современном этапе отечественной историографии⁶⁹.

⁶⁸ Струве П.Б. Размышления о русской революции. С. 439.

⁶⁹ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. Т. 1. С. 65.

⁶⁷ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 431.

Литература

1. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): монография / Н.В. Антоненко. Мичуринск: Изд-во ФГОУ ВПО Мичуринский государственный аграрный университет, 2011. 307 с.
2. Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. М.; Л.: Партиздат, 1932. 327 с.
3. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. / М.Г. Вандалковская. М.: б.и., 2009. 430 с.
4. Вострикова В.В. Предпосылки революции 1917 г. в России в интерпретации либеральных политиков и идеологов / В.В. Вострикова // Булгаковские чтения: сборник научных статей по материалам X Международной научной конференции; под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017. С. 215–222.
5. Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милюкова / В.Н. Дорохов. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2005. 229 с.
6. Государственный переворот. 27 февраля — 2 марта 1917 года // Вестник Европы. 1917. № 2. С. V.
7. Изгоев А.С. 5 лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции / А.С. Изгоев. Т. 10. Берлин: Изд-во «Слово», 1923. С. 5–55.
8. Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932) / А.С. Изгоев // Труды по руссиеведению: сб. научн. тр. М., 2009. Вып. 1. С. 344–368.
9. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм / А.С. Изгоев // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 361–387.
10. Котляревский С.А. Оздоровление / С.А. Котляревский // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 388–401.
11. Маклаков В.А. Из прошлого / В.А. Маклаков // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 276–314.
12. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А.Н. Медушевский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
13. Милюков П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
14. Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции / П.Н. Милюков. Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж: Б.и., 1927. 400 с.
15. Набоков В.Д. Временное правительство / В.Д. Набоков // Архив русской революции / В.Д. Набоков. Т. 1: Берлин: Слово, 1921. С. 9–96.
16. Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Нехамкина. Брянск, 2006. 238 с.
17. Новгородцев П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 424–443.
18. Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме, будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ) / Н.А. Омельченко. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 560 с.
19. Ответственность демократии // Речь. 1917. 10 марта.
20. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М.: Изд-во Моск. школы политич. исследований, 2001. 680 с.
21. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. Т. 3. М.: Прогресс-академия, 1998. 590 с.
22. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии, май 1920 — июнь 1921. Т. 4. М.: РОССПЭН, 1996. 544 с.
23. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2-х т. М., 2017. Т. 1. 743 с.
24. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3-х т. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. М.: РОССПЭН, 2001. 568 с.
25. Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 439 с.
26. Струве П.Б. Два великих несчастья / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 107–108.
27. Струве П.Б. Знаменательное 25-летие / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 567–568.
28. Струве П.Б. Исторический выкидыш / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 242–243.
29. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П.Б. Струве // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 459–477.

30. Струве П.Б. Ключ к пониманию прошлого / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М. : Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 457–458.
31. Струве П.Б. Наша задача / П.Б. Струве // Русская свобода. 1917. № 1. С. 3–5.
32. Струве П.Б. Не политическая борьба, а безответственность / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М. : Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 268–269.
33. Струве П.Б. Освобожденная Россия / П.Б. Струве // Русская мысль. 1917. № 2. С. XI–XII.
34. Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее (Мысли о национальном возрождении России) / П.Б. Струве // Струве П.Б. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 483–493.
35. Струве П.Б. Размышления о русской революции / П.Б. Струве // Струве П.Б. Избранные труды. С. 427–455.
36. Струве П.Б. То, о чем должно помнить и напоминать / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М. : Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 244–246.
37. Струве П.Б. Эволюция революции / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М. : Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 574–575.
38. Струве П.Б. Этапы крушения / П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М. : Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С. 424–427.
39. Трубецкой Е.Н. Народно-русская революция / Е.Н. Трубецкой // Речь. 1917. 5 марта.
40. Трубецкой Е.Н. Старое и новое (вместо предисловия) / Е.Н. Трубецкой // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. 432 с.
41. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2015. 863 с.

«ХРАНИТЕЛЬ “ЗАБЫТЫХ СЛОВ”»: К.К. АРСЕНЬЕВ В ГОДЫ «ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ» (1914–1918)

*Хайлова Нина Борисовна,
старший научный сотрудник Института российской истории
Российской академии наук,
кандидат исторических наук, доцент
niran@mail.ru*

В статье представлен «портрет на фоне эпохи» К.К. Арсеньева — известного публициста, юриста, общественно-политического деятеля, одного из лидеров центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме начала XX в. Впервые на основе архивных источников и публицистики охарактеризована его деятельность и взгляды в 1914–1918 гг., а также приведены дополнительные сведения о жизни в 1917–1918 гг.

Ключевые слова: К.К. Арсеньев, Первая мировая война, революция 1917 г. в России, государство и общество, «Вестник Европы», «Русские ведомости».

“The Keeper of the ‘Forgotten Words’”: K.K. Arsenyev in the Years of Great Unrest (1914 to 1918)

*Khaylova Nina B.
Senior Research Scientist of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor*

The article presents “the portrait against the background of the epoch”: K.K. Arsenyev was a major authority in publicist, jurist, public figure and politician, one of the leaders of the centrist (between the Constitutional Democrats and Octobrists) current in the Russian Liberalism of the early 20th century. For the first time Arsenyev’s activities in 1914–1918 are characterized on the basis of archive sources and publicist writings and additional information in Arsenyev’s life in 1917–1918 is adduced.

Key words: K.K. Arsenyev, World War I, Revolution of 1917 in Russia, state and society, “Vestnik Evropy”, “Russkie Vedomosti”

Личность Константина Константиновича Арсеньева (1837–1919), одного из патриархов русского либерализма, основоположников российской адвокатуры, публициста и литературного критика, нельзя отнести к разряду «забытых имен». Однако до сих пор его биография, достойная полномасштабного повествования, представлена в исследованиях лишь фрагментарно, с акцентом на пореформенные годы — период расцвета его

общественно-литературной деятельности. Вместе с тем и в начале XX в., в пору очередной российской Смуты и выхода на политическую арену нового поколения лидеров, фигура Арсеньева не затерялась и занимала особую нишу в общественном движении. Он стал одним из лидеров центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме. Сын известного профессора, статистика, историка и географа К.И. Арсеньева (1789–1865), в 1819 г.

подвергнувшегося репрессиям за «осуждение крепостных отношений, бессудия и несправедливости», а в 1828–1837 гг. приглашенного наставником к Наследнику Цесаревичу — будущему Царю-Освободителю Александру II, К.К. Арсеньев унаследовал либеральное умонастроение отца. «Шестидесятник» по своим убеждениям, он до конца жизни выступал последовательным хранителем заветов Великих реформ.

Тревожное и тягостное настроение преследовало Арсеньева задолго до начала Первой мировой войны. Об этом свидетельствует дневник, который он вел без перерыва с 10 апреля 1855 г. и до последнего дня жизни¹. «Я чувствую себя утомленным и отстающим от времени», — читаем одну из записей в сентябре 1905 г.² Жалобы на «крайнюю слабость и упадок духа» нередки были и впоследствии. Вместе с тем Арсеньев наперекор невзгодам «до последнего» продолжал работать интенсивно и плодотворно. Ведущий редактор Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона (с 1891 г. вплоть до прекращения издания в 1917 г.), он внес в развитие этого уникального проекта вклад, вполне сопоставимый с его «первыми лицами». Неизменным средоточием сил Арсеньева являлась публицистика³, причем центральное место в его жизни на протяжении полувека принадлежало журналу «Вестник Европы»⁴.

¹ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 15–40 [дневник К.К. Арсеньева (10.4.1855–21.3.1919)]. См.: Шлемин П.И. Дневник К.К. Арсеньева // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978.

² РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

³ На протяжении многих лет Арсеньев публиковался в «Русских ведомостях» (вплоть до закрытия газеты в начале 1918 г.). В 1900-е — 1910-е гг. статьи Арсеньева были востребованы в «Запросах жизни», «Земском деле», «Голосе минувшего», «Русской молве», «Речи», «Дне», «Праве», «Вестнике гражданского права», «Вестнике права», «Отечестве», «Утре России», «Национальных проблемах», «Вестнике свободы и культуры» и др. Уступая «настоячивым просьбам» («Биржевых ведомостей» о сотрудничестве, Арсеньев с осени 1915 г. работал и для аудитории этой газеты (РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 18).

⁴ В 1866 г. Арсеньев стал фактически одним из основателей «Вестника Европы», а в 1909 г. занял редакторский пост. В ноябре 1910 г., подводя промежуточный итог работы в журнале, он отмечал: «Я вел «Внутреннее обозрение» почти 31 год (!), с марта 1880 г., и написал 343, т.е. не менее 6 000 страниц или 375 листов (около 12 больших томов). За 23 года, с 1882 по 1905 гг., я написал, сверх того, 250 «Общественных хроник!»» (РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 104 об. — 105, 109). В феврале 1912 г. издатель «Вестника Европы» М.М. Ковалевский, обеспокоенный намерением Арсеньева покинуть редактирование журнала, называл такую возможность «большим ударом для журнала». «Ведь Вы и живая связь старой редакции с новой, и наше связующее звено, — разъяснял Ковалевский серьезность ситуации, надеясь на то, что Арсеньев («неизменно бодрый вождь») еще не принял окончательного решения. — Ведь мы все люди мало спешившие и способные идти в разные стороны» (РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 3 об.). Впоследствии Арсеньев продолжал выполнять редакторские функции: с 1 декабря 1912 г. совместно с Д.Н. Овсяннико-Куликовским, с января 1913 г. — неофициально, в качестве «совещательного редактора», без вознаграждения. И только смерть М.М. Ковалевского в марте 1916 г., повлекшая за собой перемены в редакции и издательстве, а также «сознание слабеющей способ-

ности и силы», побудили Арсеньева вовсе отказаться от редакторства. Однако вплоть до закрытия «Вестника Европы» весной 1918 г. он регулярно выступал на страницах журнала.

Арсеньев Евгений Константинович (3.11.1873, СПб. — 29.05.1938, Париж) — кадровый офицер, выпускник Офицерской кавалерийской школы в Петербурге. Участник русско-японской (1904–1905), Первой мировой войн и Белого движения. Генерал-лейтенант (29.04.1917). Общественный деятель русской эмиграции.

Арсеньев Борис Константинович (1880 — 7.11.1925, Париж), дипломат, камергер. По окончании Императорского Александровского лицея (1896) состоял на дипломатической службе в Министерстве иностранных дел. С 1913 г. — первый секретарь российского посольства в Румынии, отозван в апреле 1915 г., вскоре назначен и.д. бессарабского вице-губернатора (утвержден в должности в июле 1915 г.) и выехал в Кишинев (РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 14 об., 36, 86 об., 105, 126 об., 129 об.). Лишившись должности вследствие Февральской революции, с конца апреля 1917 г. жил в Петрограде, 16 ноября выехал в Одессу, откуда эмигрировал во Францию, где занимал пост атташе при великом князе Николае Николаевиче.

Арсеньева Мария Константиновна (22.04.1881, Царское Село — 28.11.1937, Нижний Новгород), основательница Воскресенско-Покровской женской монашеской общины (1910–1929; СПб. губ., Лужский у., с. Покровское). Приобрела доверие императрицы Александры Федоровны, которая оказывала помощь монастырю, содержащему на собственные средства. После его закрытия, с декабря 1929 г. жила в Гатчине. Летом 1930 г. выслана в г. Муром (Владимирская губ.). Арестована 29 июля 1937 г. как «участница контрреволюционной церковной диверсионно-террористической организации и создательница подпольного женского монастыря». С 30 июля 1937 г. — в тюрьме в г. Горький. По приговору тройки НКВД Горьковской обл. расстреляна, похоронена на Бугровском кладбище; реабилитирована 23.07.1956.

ности и силы», побудили Арсеньева вовсе отказаться от редакторства. Однако вплоть до закрытия «Вестника Европы» весной 1918 г. он регулярно выступал на страницах журнала.

Арсеньев Евгений Константинович (3.11.1873, СПб. — 29.05.1938, Париж) — кадровый офицер, выпускник Офицерской кавалерийской школы в Петербурге. Участник русско-японской (1904–1905), Первой мировой войн и Белого движения. Генерал-лейтенант (29.04.1917). Общественный деятель русской эмиграции.

Арсеньев Борис Константинович (1880 — 7.11.1925, Париж), дипломат, камергер. По окончании Императорского Александровского лицея (1896) состоял на дипломатической службе в Министерстве иностранных дел. С 1913 г. — первый секретарь российского посольства в Румынии, отозван в апреле 1915 г., вскоре назначен и.д. бессарабского вице-губернатора (утвержден в должности в июле 1915 г.) и выехал в Кишинев (РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 14 об., 36, 86 об., 105, 126 об., 129 об.). Лишившись должности вследствие Февральской революции, с конца апреля 1917 г. жил в Петрограде, 16 ноября выехал в Одессу, откуда эмигрировал во Францию, где занимал пост атташе при великом князе Николае Николаевиче.

Арсеньева Мария Константиновна (22.04.1881, Царское Село — 28.11.1937, Нижний Новгород), основательница Воскресенско-Покровской женской монашеской общины (1910–1929; СПб. губ., Лужский у., с. Покровское). Приобрела доверие императрицы Александры Федоровны, которая оказывала помощь монастырю, содержащему на собственные средства. После его закрытия, с декабря 1929 г. жила в Гатчине. Летом 1930 г. выслана в г. Муром (Владимирская губ.). Арестована 29 июля 1937 г. как «участница контрреволюционной церковной диверсионно-террористической организации и создательница подпольного женского монастыря». С 30 июля 1937 г. — в тюрьме в г. Горький. По приговору тройки НКВД Горьковской обл. расстреляна, похоронена на Бугровском кладбище; реабилитирована 23.07.1956.

⁸ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 39. Л. 137 об.; д. 40 Л. 36; д. 40. Л. 87.

гуманности были характерными чертами и супруги (с 12.11.1871) К.К. Арсеньева — Евгении Ивановны⁹. Сам он неизменно поддерживал членов семьи в этих стремлениях, утверждая личным примером единство слова и дела. Одно из многочисленных свидетельств подобного рода — его посильное участие в укреплении обороноспособности России (путем покупки облигаций «Займа свободы»).

Война стала мобилизирующим фактором для публицистической деятельности Арсеньева. Проявления общественного признания его многолетних трудов на этом поприще придавали новые силы. Вдохновленный успехом у читателей своего сборника статей прежних лет¹⁰, он с весны 1917 г. обдумывал план еще одного подобного издания. Впечатляющим был итог торжеств в честь его 80-летия (в конце января 1917 г.) — свыше 200 телеграмм, несколько поздравительных адресов и более 80 писем (в том числе письмо с фронта, «от русских солдат»), поступивших на имя юбиляра¹¹. «Сочувственные» статьи об Арсеньеве были опубликованы в многочисленных периодических изданиях. Он характеризовался как «лучший современный публицист и критик», «горячий, опытный и сильный заступник законности, справедливости и терпимости в общественных отношениях»¹².

Пришедшийся на войну 50-летний юбилей «Вестника Европы» стал для редакции журнала поводом подтвердить приверженность курсу Великих реформ. «Еще не время расставаться с старыми девизами, — заявлял Арсеньев. — Нужно только присоединять к ним новые, диктуемые безостановочным ходом жизни»¹³. Несмотря на трагизм военного времени и неопределенность грядущих судеб России и мира он призывал современников видеть оборотную сторону текущих событий: «Теперь настоящее оставляет мало места для оглядок на прошлое, а в будущее, как бы оно ни было омрачено страданиями, неразрывно

связанными с войною, открываются просветы, о которых еще недавно нельзя было и мечтать»¹⁴.

Одним из таких «просветов» публицист считал консолидацию общественности под влиянием войны. «На почве общей опасности зародились условия внутреннего мира и единения во имя общего блага», — комментировал он образование в августе 1915 г. Прогрессивного блока. Не сомневаясь в жизнеспособности блока («союза во имя идеи»), Арсеньев видел смысл его существования в обеспечении условий, необходимых для «правильного функционирования нового государственного строя»¹⁵.

Как «вопиющая аномалия» характеризовалось им распространение «политической ереси», согласно которой «в России нет конституции». Отчасти соглашаясь с критиками Манифеста 17 октября 1905 г., он называл «поистине несчастьем для России» недостаточно определенную *форму*, в которую был облечен этот «великий акт» («не над всеми поставлены ясные точки»). В то же время в публикациях Арсеньева проводилась мысль о том, что *содержание* данного документа, «подтвержденное несколькими статьями новых Основных законов», не оставляло места для последующих «разъяснений», шедших вразрез со смыслом этих законов. В частности, не отсутствием конституции, а ее нарушением автор объяснял «безбрежно широкое применение чрезвычайно-указного права»: «Конечно, война принесла с собою немало «чрезвычайных обстоятельств», подходящих под действие 87-й статьи, но на один уровень с ними ставилось многое из сферы нормальной жизни, подлежавшее разрешению путем нормального законодательства».

Признавая одной из причин подобной ситуации «чрезмерно долгие перерывы законодательной сессии», Арсеньев видел корень проблемы в устойчивости традиций и взглядов правительственной бюрократии, стремившейся под покровом либеральной риторики сохранить монополию на высшую государственную мудрость: «Вынужденная при новом политическом строе допустить участие общественных сил в государственной работе, бюрократия не могла не стремиться к уменьшению размеров, к сдерживанию его — и одно из средств, ведущих к этой цели ею было найдено в статье 87-й, перетолкованной ad hoc или просто обращенной во флаг, под которым провозится желанный товар»¹⁶.

Колебаниями между старым и новым Арсеньев объяснял главную причину и кризиса судебной системы. «Стремление обратиться к суду в орудие власти никогда не достигало такой силы, как в последние годы», — констатировал он в 1915 г.¹⁷ Характерным симптомом ему представлялся раздавшийся во всеуслышание в ноябре 1914 г., в дни юбилея Судебной реформы 1864 г., «вздых сожаления о старом суде». Публицист доказывал несостоятельность попыток «завязых крепостников» «обелить» старый («екатерининский») суд

⁹ Арсеньева Евгения Ивановна (урожд. Д'Альвеню фон Гогенданс; 1849–1931) происходила из немецкой аристократической семьи, впоследствии приняла православие, занималась благотворительностью. Одна из учредительниц (с 1873 г.) Литейно-Таврического кружка Общества для пособия бедным женщинам в Санкт-Петербурге, который также занимался организацией детских приютов-школ, учебных мастерских; основательница (в 1905 г.) петербургского общества «Единение», выступившего с инициативой создания детских приютов («семейных очагов») для круглых сирот в столице и ее окрестностях. Правление общества располагалось в квартире Арсеньевых (наб. Мойки, 13), издавало материалы по вопросам детства и воспитания, выпускало журнал «Единение». С 1912 г. деятельность общества переместилась в имение Арсеньевых Покровку. В конце жизни Е.И. Арсеньева приняла монашество, скончалась в ссылке в Муроме.

¹⁰ См.: Арсеньев К.К. За четверть века (1871–1894): сб. ст. Петроград, 1915. В январе 1917 г. Арсеньев записал в дневнике: «Получил успокоительное письмо от Лемке: продано за 16 месяцев 646 экземпляров... Это гораздо лучше, чем я думал» // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 91–91 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 89, 98; и др.

¹² Искры. 1917. 22 янв. № 4. С. 1.

¹³ Вестник Европы. 1915. № 12. С. II, XIV.

¹⁴ Там же. 1914. № 11. С. 333.

¹⁵ Вестник Европы. 1916. № 9. С. 338–341.

¹⁶ Там же. 1916. № 6. С. 295–301.

¹⁷ Там же. 1915. № 2. С. 309–310.

указанием на то, что «это был суд немецкий, т.е. западноевропейский по своему строю», а «во взяточничестве были повинны не столько суды, сколько их канцелярии, и самая взятка имела характер не столько платы за неправосудие, сколько благодарности за ускоренный или внеочередной труд»¹⁸.

Возмущение Арсеньева вызвало стремление оправдать прежние порядки и ссылками на то, что в рядах тогдашних служителей Фемиды состояли не сплошь «черные мерзавцы», да и сами деятели судебной реформы были «вскормлены» все той же дореформенной Россией. Автор отмечал, что «лицо» дореформенного суда определяли не столько отдельные одиозные фигуры, сколько основная масса служителей Фемиды, для которых характерны были такие широко распространенные качества, как: невежество, лень, непонимание судейского долга, невысокий уровень гражданской нравственности. Признавая, что «у нас не было тех условий, благодаря которым на Западе выработался тип сведущего законника-судьи», он подчеркивал, что «лучшие люди дореформенной России создались не *благодаря* господствовавшему тогда порядку, а *вопреки* им, в неустанной и часто безнадежной до трагизма борьбе с ними»¹⁹.

С попыткой реабилитации старого суда Арсеньев связывал и не менее откровенное стремление противников прогресса поколебать доверие к самой идее нового суда, объяснить судебную реформу 1864 г. исключительно данью моде. Доводы оппонентов представлялись ему — современнику и деятельному участнику судебных преобразований эпохи Александра II — не более чем курьезом²⁰. Характеризуя главное отличие новой судебной практики от курса, намеченного «отцами судебной реформы», он делал акцент на том, что «для них руководящим девизом судебной деятельности служили слова «*правда и милость*»; теперь «непреложными началами», на которых должен покоиться суд, провозглашаются государственность и национальность». При этом, как замечал публицист, «никакого точного, для всех одинаково ясного представления слово *государственность* не вызывает. ... Переносимое в судебный мир, оно становится источником сделок с совестью. Суду, озабоченному стремлением к «государственности», неизбежно приходится думать о том, не окажется ли его решение идущим вразрез с господствующим и обязательным ее пониманием. Во имя государственности, — так могут рассуждать судьи, — следует быть до крайности строгим ко всему, не укладывающемуся в рамки господствующей в данную минуту правительственной системы»²¹. Автор выступал с предостережением: «Государственные интересы — понятие неопределенное, до крайности эластичное; противопоставить их категорическому велению закона, положить их на одну чашку весов, в то время как другая занята требованиями правосудия, значит,

в большинстве случаев, предрешить исход, неблагоприятный для последних»²².

В правовой системе России виделась ему единственная «точка опоры для веры в будущее» — присяжная адвокатура: «В делах политических она сумела охранить свою самостоятельность, осуществить свободу речи; защищая подсудимых, она не отступала, когда было нужно, перед защитой основных начал справедливости и права»²³. «Живой историей русской адвокатуры и воплощением лучших ее сторон», показавшим своим примером, что работать на пользу правосудия можно «даже при самых трудных условиях», Арсеньев называл своего коллегу и политического единомышленника Д.В. Стасова²⁴. То же самое, без преувеличения, можно сказать и о нем самом²⁵.

Проявляя особый интерес к анализу коренных проблем общественно-государственного переустройства, многолетний «хроникер» «Вестника Европы» в то же время был постоянно «погружен» в текущие события. Его размышления «на темы дня» регулярно появлялись в прессе. Последовательное — день за днем и месяц за месяцем — «отслеживание» ситуации в стране, в неразрывном единстве происходившего в тылу и на фронте, нередко позволяло публицисту фиксировать то, что ускользало от внимания современников. Так, в октябре 1915 г. он выступил с собственным мнением по вопросу о «точке» перелома общественного настроения в стране, обозначившей начало нарастания критики верховной власти и процесс консолидации оппозиции. Арсеньев отмечал, что это произошло не сразу после начала военных неудач русской армии (в апреле 1915 г.), а лишь спустя около двух месяцев, когда неприятельское нашествие стало проникать в глубь России и одновременно раскрылись причины наших поражений. По его словам, мобилизация общественных сил ускорилась с середины мая 1915 г. и привела к открытию очередной думской сессии (в июле 1915 г.). Впоследствии, — констатировал автор, — быстрый подъем политического сознания в стране, широко

²² Там же. 1917. № 1. С. 324–327.

²³ Там же. 1916. № 5. С. 377–378.

²⁴ Там же. С. 378–380.

²⁵ В апреле 1866 г. Арсеньев был утвержден в числе первых в России 27 присяжных поверенных. В 1867–1874 гг. он — председатель совета присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты. Предпринял первую попытку систематизировать результаты корпоративной деятельности присяжных поверенных в Петербурге (Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. Ч. 1–2. СПб., 1875). По отзывам современников эта книга стала «настойной для всякого адвоката», своего рода «катехизисом русской адвокатуры» (Л.Д. Ляховецкий), а также «драгоценным материалом» (А.Ф. Кони) для научных трудов, посвященных изучению основ деятельности русской адвокатуры. Арсеньев одним из первых разработал приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики в России, явился автором пособий для практических судебных деятелей (Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб., 1870; Судебное следствие. СПб., 1871). Приобрел известность как юрист с высоконравственной репутацией и один из лучших в стране судебных ораторов.

¹⁸ Вестник Европы. 1914. № 12. С. 374.

¹⁹ Там же. 1914. № 12. С. 374–375.

²⁰ Там же. 1914. № 12. С. 376.

²¹ Там же. 1915. № 2. С. 309–311.

распространившееся убеждение в том, что «дальше идти по прежней дороге было бы неблагоприятно и неосторожно», обусловили «комбинацию условий, небывалую в России»²⁶.

Очередным переломным моментом в общественно-политической жизни страны он считал конец ноября — начало декабря 1916 г., когда единая оценка настоящего и ближайшего будущего была выражена в трех документах («идущих из столь разных источников») — коллективных мнениях Прогрессивного блока, Государственного совета, а также резолюции Съезда объединенного дворянства. Большинство членов обеих палат парламента, а также представительная организация «первейшего сословия» сошлись на мысли о том, что для окончательной победы над врагом и «дружного сотрудничества правительства с законодательными учреждениями» необходимо решительное устранение влияния на государственные дела «скрытых безответственных сил» путем образования работоспособного правительства, опирающегося на доверие и сочувствие страны. В этой связи Арсеньев обращал внимание на еще одну характерную приметку времени — радикализацию настроений в среде православного духовенства. Он полагал также, что «неоднократная присылка рабочими петроградских фабрик deputаций к председателю Государственной думы ... дает право думать, что сознание значения, приобретенного Думой, начинает проникать в среду, до сих пор стоявшую в стороне от законодательных учреждений». В общем «Россия теперь не та, какою она была, или, по крайней мере, казалась еще недавно», — убежденно заявлял Арсеньев, отмечая, что история не знает другого подобного примера изолированности власти от общества, какая проявилась в стране к началу 1917 г. «Правда, — пророчествовал публицист, — на стороне власти остается сила; но не при всяких условиях внешней силой достигается и обеспечивается внутренняя крепость»²⁷.

Арсеньев с восторгом приветствовал «блестящее торжество» Февральской революции²⁸. Стремясь, как всегда, вносить посильный вклад в общее дело, он принял на себя весной 1917 г. целый ряд дополнительных забот. Так, 16 марта по предложению Временного комитета Государственной Думы (переданному ему через В.П. Герасимова, зав. отделом

ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением), им была написана «статья, призывающая к единению, для распространения в армии и народе»²⁹. Посчитав своим долгом откликнуться на просьбу организаторов «женского митинга», 30 марта Арсеньев подготовил для них текст с «разъяснением главных очередных вопросов»³⁰. Несмотря на жалобы на здоровье, он «ходил за карточками по продовольствию (как уполномоченный в этом отношении по дому)»³¹. Получив 25 апреля 1917 г. телеграмму от тов. министра юстиции Г.Д. Скарятин с предложением поста сенатора 1-го Департамента, «без колебаний отказался», не находя возможным («при моем зрении и слухе») вступать на новую ответственную стезю. Тем не менее, несмотря на отказ, его назначение сенатором состоялось («очевидно, не ради будущего, а ради прошлого», — грустно замечал Арсеньев). Впоследствии он «усердно занимался сенатскими делами», регулярно посещая заседания и выступая там с докладами, вплоть до ноября 1917 г. Опыт Арсеньева был востребован еще в одной сфере: он вошел в состав Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве³².

Что касается публицистической деятельности, то революция также придала ей дополнительный импульс. Работая над текстами статей, Арсеньев зачастую использовал прием, распространенный в 1917 г. в политической прессе — обращение к истории революционных эпох в поисках аналогий, «как бы открывающих просвет в будущее». Владелец огромной эрудиции, он не раз уличал политиков, а также «коллег по перу» в ошибках, произвольном истолковании фактов. Подобного рода «исторические параллели», — подчеркивалось при этом, — «не указатели пути, а блуждающие огни, заманивающие в болото»³³. В чем виделся ему главный смысл уроков истории? «Важно не то, что при аналогичных обстоятельствах могут происходить аналогичные явления; важен конечный результат, к которому они приводят, — разъяснял публицист. — Да, борьба нового с отжившим старым грозит эксцессами нападения, в особенности если им предшествовали эксцессы обороны; она грозит извращением правосудия, массовыми убийствами по суду и без суда, упадком цены человеческой жизни; но изучением опасности в прошлом она может быть до известной степени предупреждена или смягчена в будущем»³⁴.

В центре внимания Арсеньева в 1917 — начале 1918 г. — вопросы государственного устройства «новой России». Непосредственный участник

²⁶ Вестник Европы. 1916. № 12. С. 377–379.

²⁷ Там же. 1916. № 12. С. 386.

²⁸ Там же. 1917. № 3. С. 360; № 4–6. С. 671. Состояние эйфории, в котором пребывал Арсеньев в начале весны 1917 г., исцелило его от потрясения, испытанного 1 марта в связи с «эпизодом», косвенно связанным с революцией. В этот день в квартиру Арсеньева в Царском Селе «ворвался пьяный солдат, бесчинствовавший с прислугой», а от него самого «потребовавший денег и взявший бумажник, где было более 200 руб.» Как выяснилось, тот же солдат нанес подобный визит еще нескольким знакомым публициста. С удовлетворением он отмечал в дневнике, что в тот же день грабитель был арестован «солдатами, наблюдавшими за порядком по поручению нового правительства», которые вернули всем пострадавшим отнятые у них деньги // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 101–102.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 103 об.

³⁰ Там же. Л. 105 об.

³¹ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 108.

³² Комиссия была образована постановлением Временного правительства 25 марта 1917 г. во главе с министром юстиции. Ею были подготовлены положения: о временном устройстве местного суда, о судах по административным делам; разрабатывались законопроекты об адвокатуре, суде присяжных, прокурорском надзоре.

³³ Русские ведомости. 1917. № 174. 1 авг.

³⁴ Там же. 1917. № 234.

совершенствования судебной системы после Февраля, он свидетельствовал об эффективности этого вплоть до большевистского переворота. Одной из центральных забот Арсеньева-юриста по-прежнему являлось укрепление положения адвокатуры. «Немного сравнительно требовалось усилий, чтобы поставить ее на высоту, соответствующую новым условиям государственной жизни», — характеризовал он положение судебной защиты к Февралю 1917 г. В заслугу Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов им ставилось составление новой редакции второй главы Учреждения судебных установлений, в результате чего было обеспечено объединение «в одно целое» всей российской присяжной адвокатуры, а также гарантии ее самостоятельности, подчинение исключительно контролю Сената (с участием представителей, избранных ею из собственной среды). Особо выделялось новшество, благодаря которому был ликвидирован важный пробел в законе, — определение прав, обязанностей и порядка организации помощников присяжных поверенных. «С осуществлением этих предположений присяжная адвокатура в России была бы поставлена в такое положение, которому могли бы позавидовать ее собратья в любом западноевропейском государстве», — подчеркивал Арсеньев значимость результатов работы Комиссии. В этой связи как о «громдном шаге назад, или, лучше сказать, переходе в небытие» он отзывался о подготовленном большевиками декрете об уничтожении всех форм «старого» суда, включая адвокатуру и прокуратуру³⁵.

Как «эксперимент более чем рискованный» и «явную угрозу правосудию» Арсеньев оценивал устройство и начало деятельности Верховного военно-революционного трибунала. Он настаивал на том, что «республиканскому строю, основанному на равенстве, меньше всего подобает учреждение экстраординарных судов и установление чрезвычайных порядков судопроизводства», а право решать, «какими путями и средствами вести борьбу с врагами нового строя», принадлежит исключительно одному Учредительному собранию³⁶. «Мрачную тень на ближайшее будущее» бросали, по его словам, и новые местные суды, заменившие мировых судей³⁷.

Арсеньев свидетельствовал, что в решении вопроса о судьбе Учредительного собрания в период после Февраля 1917 г. также «просматривалось» две стадии, резко контрастировавшие между собой. Он был убежден, что Временное правительство имело все шансы провести «нормальные выборы» в Учредительное собрание³⁸. «Внезапно все измени-

лось. Насильственный захват власти одной партией создал условия, при которых невозможны нормальные выборы³⁹... Право уступило место силе»⁴⁰, — характеризовался им «рубикон», обозначенный большевистским переворотом. В его комментариях по поводу выступлений большевиков накануне и в ходе выборов в Учредительное собрание содержалось указание на «опасную возможность» возвращения к «кулачному праву» — превращения гражданской войны в «бытовое явление», в обычный, заурядный способ решения спорных вопросов. Разъясняя смысл событий, Арсеньев апеллировал не только к опыту мировой истории и основам права, но и к «здравому смыслу»: «Гражданская война не может служить ни суррогатом, ни коррективом Учредительного собрания. Ее исход, обычно предрешенный взаимоотношением материальных сил, не может быть рассматриваем как выражение народной воли. ... Исцелить причиненное войной зло, создать нормальные условия народной жизни может только мирное строительство, вверенное подлинным избранникам народа»⁴¹.

Резкую отповедь Арсеньева в декабре 1917 г. вызвали заявления большевиков о непризнании за Учредительным собранием «права на жизнь» и намерение «очистить» его от «неугодных» членов. Кроме того, им отмечалось произвольное понимание советскими руководителями задач и целей народного представительства. Он ссылался на мнение Троцкого, по словам которого «в России «только две партии — кадеты и большевики», между ними не может быть никакой связи, а потому «эти два стана не сумеют примирить Учредительное собрание».

Речь не идет о том, чтобы *примирить* глубоко различные политические течения, и вовсе не к этому призвано народное представительство, — вновь пытался разъяснить Арсеньев: «Оно должно быть составлено так, чтобы в его среде находили отголосок все взгляды, все стремления, существующие в стране, чтобы они обсуждались им всесторонне и свободно, чтобы решению предшествовало основательное знакомство с вопросом и по возможности беспристрастно были взвешены доводы pro и contra. Всему

так и социальных вопросов; нарастание межпартийной вражды; «двоевластие, вносившее смуту во все области правительственной и народной работы»; дезорганизация армии. В то же время он обращал внимание на неоднозначность ситуации в послефевральской России, сложное переплетение противоречивых тенденций, которое вовсе не исключало успешной реализации созидательного потенциала революции: «Внутри страны росла анархия, но росло и сознание необходимости восстановить спокойствие. Правительству недоставало силы, но все же оно было признано громадным большинством народа, и его механизм работал почти повсеместно. Свобода печати и собраний нарушалась кое-где самочинными посягательствами, но уважалась, за исключением редких случаев, представителями власти. Далеко неидеальным был установившийся порядок, но все-таки имелись достаточные основания верить в правильное течение избирательного периода» // Русские ведомости. 1917. № 253. 18 нояб.

³⁵ Русские ведомости. 1917. № 261. 29 нояб.; Там же. № 264. 2 дек.

³⁶ Там же. № 265. 3 дек.

³⁷ Там же. № 274. 23 дек.

³⁸ Оценивая положение дел в стране после падения самодержавия, Арсеньев не «закрывал глаза» на препятствия в деятельности Временного правительства, прежде всего: многочисленность и сложность задач, буквально «обрушившихся» на новую власть, и при этом — необходимость одновременного решения как политических,

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. № 254.

⁴¹ Там же.

этому не только не препятствует, всему этому прямо способствует борьба партий и мнений. К возможному полному их представительству в Собрании направлена та пропорциональная избирательная система, «совершенство» которой признается идейными вождями большевизма. Если между двумя партиями нет и не может быть «связи», т.е. почвы, на которой была бы мыслима их совместная, согласованная деятельность, — то выводить отсюда необходимость «сломить», уничтожить одну из них приличествует только абсолютизму; в истинно-свободной, истинно-демократической стране должно и может найтись место для обеих»⁴².

Арсеньев считал неоправданным и преждевременным сбрасывание большевиками «со счетов» меньшевиков и эсеров. Ему представлялось полезным участие их представителей в работе Учредительного собрания, поскольку «история показывает, что влияние парламентской группы далеко не всегда пропорционально ее численной силе».

Читая комментарии публициста по поводу выступлений В.И. Ленина, можно представить себе его настроение (еще и как многоопытного юриста «старой школы») в связи с утверждениями «господ данной минуты» о том, что «Советы — организация более высокая, чем все парламенты в мире и Учредительное собрание», а члены последнего якобы не выражают народную волю. «Над Учредительным собранием нет и не может быть высшей инстанции; выражает ли оно народную волю, на этот вопрос компетентно ответить может только будущее, — расставлял Арсеньев «точки над i». — Меньше всего вправе ставить и решать его та власть, действия которой призвано проверить и оценить Учредительное собрание»⁴³.

Указывая на недопустимость насилия над депутатами Учредительного собрания, состоявшими в рядах «неугодных» большевикам партий, он напоминал, что «авторитет народного представительства, особенно необходимый в демократической республике, обуславливается прежде всего его независимостью, т.е. неприкосновенностью его членов». «Еще не закончена гражданская война, вызванная октябрьским захватом власти. Неужели в народную жизнь будут брошены семена новых междоусобий? Неужели будут уничтожены на самом корне надежды, которые русский народ в годину тяжких испытаний возлагал на мирную творческую деятельность Учредительного собрания?»⁴⁴ — задавая подобными вопросами в конце декабря 1917 г., Арсеньев, вероятно, уже предвидел худший вариант развития событий...

Оценивая разгон Учредительного собрания как «факт беспримерный, небывалый, не предусмотренный никаким законом и произведенный не уполномоченною на то властью», он настаивал на том, что его «не могут заменить собою советы, избираемые не всеобщим и не прямым голосованием, без широкой гласности, без свободной, доступной для контроля избирательной

агитации, на неопределенное время, с неопределенными правами и неопределенной компетенцией»⁴⁵.

В марте 1918 г. составителю «летописи» российской революции предстояло пережить еще один удар судьбы. Судя по записям в дневнике, в буквальном смысле убийственное впечатление произвела на него «весть о ратификации ужасного мира»⁴⁶.

Весной 1918 г., подводя итоги первого года существования Российской республики, Арсеньев констатировал «тяжелый процесс внешнего распада и ожесточенной, братоубийственной внутренней борьбы»⁴⁷. Причины, по его мнению, небывалого в истории кризиса следовало искать «глубоко в прошлом нашей поистине несчастной, многострадальной России». Отмечая закономерность центробежных сил в любом государстве, представляющем собой «агломерат народностей», он вместе с тем свидетельствовал о том, что «нигде и никогда эти силы не проявлялись с таким напряжением и в таких размерах, как у нас в последнее время». Главной причиной «вспышки сепаратизма», последовавшей после Февральской революции, Арсеньев считал национальную политику самодержавия: «бессмысленный гнет, наибольшее усиление которого совпало притом с повсеместным тяготением к широкой и яркой национальной жизни». По его словам, разрыв связей между центром и окраинами подготовила и война, в очередной раз выявившая несостоятельность режима.

На царизме лежит ответственность не только за внешний распад, но и внутреннюю смуту, — утверждал Арсеньев. Нерешенность земельного вопроса, усиление репрессий против рабочего движения, — все это способствовало падению в народе веры в мирное решение насущных задач: ««Кто не с нами, тот против нас», — таков был вывод, подсказываемый общим ходом событий. Среди рабочих, еще больше чем среди крестьянства, слабело сознание солидарности с обществом в широком смысле этого слова». Увеличивавшееся после «жесточких военных неудач» 1915 г. отчуждение между солдатами и офицерами объяснялось Арсеньевым прежде всего принадлежностью последних «к меньшинству, от которого все больше отдалялись народные массы». Старый строй, лишившийся поддержки вооруженной силы, «пал быстро, почти без сопротивления». «Восстание, поднятое рабочими, одержало победу, как только к ним примкнули части петроградского гарнизона. И если не из среды победителей вышли члены Временного правительства, то именно этой среде досталась фактически значительная доля власти в лице совета рабочих и солдатских депутатов», — указывалось на истоки «двоевластия».

Характеризуя положение в революционной России вслед за падением самодержавия, публицист замечал: «Семян недоверия и розни падшим режимом было оставлено много, очень много, но не была еще предreshена дальнейшая их участь. Их мог

⁴² Русские ведомости. 1917. № 272. 21 дек.

⁴³ Там же. 1917. № 273. 22 дек.

⁴⁴ Там же. 1917. № 272. 21 дек.

⁴⁵ Вестник Европы. 1918. № 1–4. С. 309.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 138 об. — 139.

⁴⁷ Русские ведомости. 1918. № 34. 12 марта.

заглушить единодушный мощный порыв к одной для всех общей цели; благоприятствовать их всходу должно было новое расхождение только что сблизившихся между собою элементов. Случилось, к несчастью, последнее».

Общей для всех целью, по словам Арсеньева, могло стать «внутреннее единение» ради достижения «прочного и честного мира». Однако «революционным порывом не был вызван, как во Франции 1792–1793 гг., соответственный подъем воинственного духа. Наоборот, — обращался автор к недавним событиям, — уже с самых первых дней нового порядка стало заметным ослабление обороны. Обнаружилась жажда мира, хотя бы в ущерб задачам, поставленным войною»⁴⁸. «Разгадка» виделась ему не только в «массе бед, обрушившихся вместе с войною на армию, да и на всю страну». Немалую роль, по его мнению, сыграла давняя и постоянно усиливавшаяся в обществе склонность объяснять войну «личными видами и расчетами царизма»: «Казалось, что с падением самодержавия исчез и повод к продолжению предпринятого им дела... Что война не нужна именно для народа, — это подсказывалось недоверием, насаждавшимся в течение длинного ряда лет. Объектом недоверия становились целые общественные слои, рассматриваемые как нечто единое, несмотря на различие состава, занятий, взглядов и стремлений. ... На одну доску со взятыми под подозрение русскими общественными слоями все более и более распространявшийся взгляд поставил однородные слои и в других странах, притом в государствах с Россией союзных — в значительно большей мере, чем в государствах ей враждебных». Не пытаясь объяснить этот последний («поистине странный факт») факт, Арсеньев подчеркивал его несомненное влияние на последующий ход событий: «Изменившееся отношение к друзьям и врагам способствовало возникновению апрельских беспорядков, ускорило кризис, окончившийся изменением состава Временного правительства, и положило начало «братанию», со всеми его глубоко печальными последствиями. Остановленное на короткое время июньским наступлением разложение армии пошло ускоренным темпом после июльских дней в Петрограде».

Ранее всего отразившись на положении дел, связанных с войной, «горькие плоды недоверия» проявились и в других сферах. А между тем фактических оснований для недоверия новой власти было мало, — особо подчеркивал Арсеньев⁴⁹.

⁴⁸ Там же. 1918. № 36. 15 марта.

⁴⁹ В обоснование своей позиции Арсеньев перечислял меры Временного правительства, которые объективно должны были способствовать укреплению его авторитета: «Вслед за переворотом провозглашен был переход земли к трудящимся над ее обработкой; сразу был сделан шаг громадной важности, не имеющий прецедентов ни в нашей, ни в западноевропейской истории. Местное самоуправление было передано в руки населения без каких бы то ни было ценовых или сословных ограничений. В бытность оплакиваемого теперь А.И. Шингарева министром финансов были задуманы и отчасти проведены небывало радикальные реформы в сфере податного обложения.

«Недоверие все больше и больше стало переходить в открытую вражду, граничащую с ненавистью», — прослеживал он тенденцию в развитии ситуации в стране вскоре после Февраля 1917 г. При этом публицист обращал внимание на российскую особенность. В отличие от других стран, где в революционные периоды «ожесточенность, распря не постоянно держится на одной и той же высоте, не исключает возможности хотя бы временного, хотя бы частичного сближения», — в России подобного не наблюдалось. Не прошло и месяца, как от радостного настроения по поводу революции не осталось и следа: «Заподозрены были те, кому вверил значительную долю власти сам революционный народ; вместе с ними была заподозрена и та общественная среда, к которой они принадлежали. В оборот вошло мало употреблявшееся до тех пор слово: *буржуи*, заменившее собою привычный термин *буржуазия*». Характерно, — отмечал Арсеньев, — что, сделавшись бранным словом, термин *буржуи* означал реальную угрозу «действием» не только в отношении предпринимателей, но и командного состава армии и флота, представителей интеллигенции... Опасность тем более велика, — не переставал напоминать он, — что «понятия о *буржуазии*, о *буржуях* до крайности неопределенны и до бесконечности растяжимы. Границы буржуазии никогда и нигде не могли быть установлены с точностью; еще более колеблющейся, еще менее ясной является демаркационная линия между «буржуями» и небуржуями».

В который раз Арсеньев взывал к разуму представителей новой власти и своих соотечественников: «Не в интересах революции, нуждающейся во взаимодействии всех живых народных сил, продолжение посева, из которого могут вырасти только плевелы. Только тогда, когда иссякнет проповедь ненависти или рядом с нею беспрепятственно займет место проповедь справедливости, для всех равной, — только тогда настанет конец одному из тяжелых зол, переживаемых Россией»⁵⁰.

Он был убежден в том, что бедствия гражданской войны не подлежат оправданию, даже если они обусловлены, согласно уверениям большевиков, стремлением к обеспечению блага народных масс. «Остается еще доказать, что иными средствами, помимо террора и гражданской войны, эти цели достигнуты быть не могли и что достигнутое с помощью этих средств окажется неотъемлемым и

Устранено было все препятствовавшее и угнетающее профессиональную жизнь рабочих. Само собою разумеется, что можно находить все эти меры недостаточными, но нельзя упускать из виду, что коренные, всеобъемлющие преобразования с самого начала были признаны задачей Учредительного собрания, а его состав был predetermined избирательным законом, более чем какой бы то ни было другой благоприятным для осуществления демократических идеалов. Выборы в Учредительное собрание показали наглядно, что не в интересах привилегированного меньшинства работали составители избирательного закона под руководством безвременно погибшего Ф.Ф. Кошкина // Русские ведомости. 1918. № 36. 15 марта.

⁵⁰ Там же.

безусловно прочным. Ни то, ни другое несомненным считать нельзя»⁵¹.

Показательно, что завершая записи в дневнике за 1918 год, Арсеньев (впервые за всю историю «летописи» своей жизни!) не нашел слов, чтобы выразить всю глубину переживаний и предчувствий в связи с «триумфальным шествием Советской власти»... К этому моменту и его собственная семья уже сполна ощутила на себе наступление «мучительного времени». Это — тягостная, в неведении, разлука с сыновьями, оказавшимися в конце концов в эмиграции, а также болезни и лишения, которые омрачали жизнь самого Арсеньева и остававшихся рядом с ним домочадцев (жены и дочери). В начале января 1918 г. суровая необходимость («страшная дороговизна» и значительное сокращение семейного бюджета в связи с окончанием трудов Арсеньева в Сенате и «для Словаря»⁵²) вынудила их сдать царское сельскую квартиру и переехать на постоянное место жительства «в деревню» (имение Покровское)⁵³. О том, что ситуация была действительно отчаянная, говорит тот факт, что Арсеньевых не остановили ни перспектива конфискации имения, ни разгул хулиганствующих элементов, одним из эпизодов которого стал «разгром» ворами их деревенского дома в декабре 1917 г.⁵⁴

Дневниковые записи периода Гражданской войны — еще одно свидетельство стойкости и верности Арсеньева собственным принципам, несмотря на слабеющие силы («Доктор нашел, что увеличивающаяся моя слабость зависит от недостатка питания»⁵⁵) и бытовые неурядицы («Керосина мало... Очень тяжела необходимость проводить долгие часы в темноте... Слишком много сплю вследствие темноты... Тоска...»⁵⁶). Последние земные заботы Константина Константиновича — это прежде всего поиск средств для содержания семьи. В этом смысле ему оказала услугу А.И. Ефрон, вдова издателя знаменитого Словаря, купившая у него, хотя и по невысокой цене, акции издательского общества⁵⁷. Стимулом для занятий Арсеньева по составлению систематического каталога личной библиотеки (с июня 1918 г.) стали его переговоры с Д.М. Пинесом о продаже собственного книжного собрания «Государственной библиотеке» (судя по всему, библиотеке Государственного Румянцевского музея)⁵⁸.

⁵¹ Вестник Европы. 1918. № 1–4. С. 311.

⁵² Несмотря на то, что «литературные занятия» Арсеньева в тот период шли «сравнительно не худо» (сотрудничество в «Русских Ведомостях», «Речи», «Дне», «Утре России», «Свободной России»), он признавал, что «одной литературной работой в Царском Селе, безусловно, нельзя было жить, да и в деревне трудно будет» // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 130.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 128.

⁵⁵ Там же. Л. 154 об.

⁵⁶ Там же. Л. 154.

⁵⁷ Там же. Л. 130.

⁵⁸ Там же. Л. 156 об. «Охранное свидетельство Государственной библиотеки» о покупке книг Арсеньева спасло его от решительных действий представителей местной власти, явившихся вечером 19 февраля 1919 г. к нему в дом с намерением опечатать библиотеку // Там же. Л. 161 об.

По-прежнему частыми гостями в доме Арсеньевых были священники. Их визиты и беседы с ними глава семьи отмечал в дневнике среди значимых событий своей жизни, наряду с посещением церковных служб и чтением ему супругой по вечерам духовной литературы. Поддержкой накануне ухода служило и творчество любимых поэтов («за последнее время многое выучил наизусть из Лермонтова и Некрасова»⁵⁹). Однако жизненные перипетии до последнего «не отпускали» его. Поразительно, но за две недели до смерти Арсеньев записал в дневнике, что вошел в состав местного (Нежадовского) сельского совета «в качестве председателя». Неоднократные посещения представителями милиции и налоговой службы «с требованием уплаты 50 % подоходного налога», взыскиваемого Царскоесельским советом за 1917 г., побуждали отстаивать свои права, вникать в «тонкости» большевистской юстиции («читал «первый кодекс» советских законов, ... книгу "Стучки о новом суде"»)⁶⁰. Однако «тяжба» с новыми властями, сопровождавшаяся «сильным пароксизмом грудной жабы» и общим резким ухудшением самочувствия, оказалась не под силу 82-летнему Арсеньеву.

Он умер во сне, в ночь на 22 марта 1919 г., — хранитель «забытых слов»⁶¹. Его редкий талант служить «скрепой» общественных сил и, подобно компасу, указывать путь к утверждению начал правды и справедливости⁶², оказался невостребованным в «годы великих потрясений». Арсеньев был похоронен

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 158 об.

⁶⁰ Там же. Л. 162.

⁶¹ Выражение «забытые слова» в значении «забытые святыни, идеалы» вошло в число фразеологизмов благодаря М.Е. Салтыкову-Щедрину, назвавшему так свою последнюю работу, напечатанную в «Вестнике Европы» (1889. № 9). Откликнувшийся на уход великого писателя Алексей Жемчужников в стихотворении, озаглавленном «Забытые слова» (1889), писал: «Слова священные, слова времен былых, // Когда они еще знакомо нам звучали... // Увы! Зачем же, полн гражданственной печали, // Пред смертью не успел ты нам напомнить их? // Те лучшие слова, так людям дорогие, // В ком сердце чувствует, чья мыслит голова: // Отчизна, совесть, честь и многие другие // Забытые слова. <...>» Спустя четверть века, отдавая дань памяти Салтыкову-Щедрину, Арсеньев опубликовал под тем же названием собственные поэтические строки (Вестник Европы. 1914. № 5. С. 1).

⁶² Именно таким представлялся многим современникам главный жизненный урок Арсеньева. В качестве примера приведем отрывок из письма (от 31 декабря 1908 г.) к Арсеньеву главного редактора «Русских ведомостей» В.М. Соболевского. Последний видел «главную беду нашего безысходно-смутного времени» и «корень нашего зла» в «главном историческом недуге русского общества: недостатке в людях, которые своей работой, своей энергией, своим знанием выводили Россию на более светлый путь». Задаваясь, по сути, риторически-провидческим вопросом («не придется ли еще и нашим детям оказаться не совсем подготовленными для серьезного, коренного переустройства?»), соратник Арсеньева признавал, что «крепостные привычки и нравы» «и по сие время насквозь пронизывают русское общество». Обозначая долговременную перспективу «взросления» сограждан, Соболевский указывал на исключительную важность в этом деле «человеческий фактора»: «Нам нужны педагоги, учителя, светочи, освещающие путь. Их все еще мало,

в с. Нежадово (в настоящее время — Плюский

район Псковской обл.), на территории Воскресенско-Покровского монастыря, под стенами Покровского собора, разрушенного в конце 1950-х гг. (могила не сохранилась).

а таких же, как Вы — и совсем нет...» // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 66. Л. 8–9.

Литература

1. Дневник К.К. Арсеньева // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 40. Оп. 1. Д. 37, 38, 39, 40, 56, 66.
2. Вестник Европы (СПб. — Пгр.). 1913–1918.
3. Искры (Пгр.). 1917. 22 янв. № 4.
4. Русские ведомости (М.). 1917–1918.
5. Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Вып. 1. Пгр., 1915. 102 с.
6. Шлемин П.И. Дневник К.К. Арсеньева / П.И. Шлемин // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. 391 с.

ГОД 1917: НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ*

*Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru*

В статье охарактеризованы изменения, произошедшие в правовом регулировании семейно-брачных отношений после Октября 1917 г. Внимание сосредоточено на концептуальных и нормативных основаниях преобразований в сфере семьи и брака.

Ключевые слова: семья, институт брака, регистрация брака, церковный брак, гражданский брак, советское семейное право.

The Year of 1917: Commencement of a Revolution in Family and Marriage Relations

*Nizhnik Nadezhda S.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
Doctor of Law
Professor*

In article the changes which happened in legal regulation of the marital relationships after October 1917 are characterized. The attention is concentrated on the conceptual and regulatory bases of transformations in the sphere of family and marriage.

Key words: family, institute of marriage, marriage registration, religious marriage, civil marriage, domestic relations law of the Soviet Union.

Октябрь 1917 г. принес революционные перемены во все сферы общественной жизни России. Кардинальную трансформацию претерпели все правовые институты. Перемены не могли не коснуться и семейного права.

Попытки законодательно закрепить революционный взгляд на брак и семью были предприняты в первые дни после установления советской власти. Идеологической основой преобразований в области семейного права являлись марксистские представления о браке, которые нашли четкое выражение

в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Брак в буржуазном государстве, полагал Энгельс, основан на экономическом подчинении жены мужу как кормильцу семьи. В результате общественного переворота положение женщины изменяется: она начинает принимать участие в общественном производстве и получает возможность не продаваться мужчине за деньги в жены. Достигнутое равноправие мужчины и женщины приведет к тому, что браки будут заключаться по взаимной склонности, на основе индивидуальной

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII — первая треть XX вв.).»

«половой любви»¹, а ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и их воспитание возьмет на себя государство. Если женщина почувствует склонность к другому мужчине, ничто не должно будет помешать ей заключить новый брак.

Первыми актами, закрепившими новые представления о семье, браке, отношениях супругов, родителей и детей, стали Декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» от 18.12.1917² и «О расторжении брака» от 19.12.1917³. Институт брака, на протяжении всей истории Российского государства находившийся под юрисдикцией церкви, передавался в ведение светских органов. Брак, заключенный в церкви, переставал быть единственно законным. Полномочия регистрации брака у церковных учреждений были изъяты и переданы органам записи актов гражданского состояния — светским органам государственной власти. «Церковный брак, — отмечалось в Декрете от 18.12.1917, — наряду с обязательным гражданским, является частным делом трудящихся». Принятый 23.01.1918 Советом Народных Комиссаров Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴ окончательно закрепил положение о том, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, а брак, заключенный по религиозным обрядам, не порождает никаких юридических прав и обязанностей. Органы ЗАГС в своей деятельности должны были руководствоваться Инструкцией об организации отделов записей браков и рождений, утвержденной 04.01.1918⁵.

Теперь лица, желавшие заключить брак, должны были устно или письменно заявить об этом «по месту своего пребывания» органам ЗАГСа. Были уничтожены многие ограничения, существовавшие ранее: теперь при вступлении в брак не требовалось согласия родителей, не имели значения сословная принадлежность, отношение к расе и религии. Устанавливались равные права супругов, моногамная форма брака и возраст вступления в брак для мужчин — 18 лет, для женщин — 16 лет. Дети, рожденные в браке, и внебрачные дети законом были уравнены в правах и между собой и во взаимоотношениях с родителями.

Закреплялось отсутствие различия между брачным и внебрачным родством. Отцом и матерью ребенка считались мужчина и женщина, подавшие в органы ЗАГСа заявление об этом и «давшие соответствующую в том подписку». Виновные в даче заведомо ложных сведений привлекались к уголовной ответственности, а запись признавалась недействительной. Установление отцовства допускалось в судебном порядке. По желанию одного или обоих супругов устанавливался свободный развод. Вопрос о разводе должен был рассматриваться судом, но при наличии обоюдного согласия супругов мог быть оформлен и ЗАГСом.

22.10.1918 ВЦИК принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве⁶. КЗАГС стал первым кодексом в истории советского права. Он вобрал в себя все принципиальные положения декабрьских декретов, на основе которых подробно регламентировал семейно-брачные отношения и противопоставлял новые правовые нормы дореволюционным. Однако ни в одном советском нормативном правовом акте — ни в декретах, ни в кодексе — не оказалось точной дефиниции брака. Необходимость определения понятия «брак» в законодательстве была очевидна: в первые годы советской власти «не было ни одного заседания, ни одной комиссии НКЮ, СНК, где бы Народный комиссариат внутренних дел не выдвигал вопроса о необходимости определения брака»⁷, но дефиниция так и не была сформулирована. Наркомат по внутренним делам РСФСР не только поднимал этот вопрос в компетентных органах, но и сам разработал проект определения дефиниции «брак»⁸, который, правда, так и не нашел своего закрепления в законодательстве.

Несмотря на отсутствие четкого закрепления в законодательстве понятия «брак», нормативные правовые акты первых лет советской власти и юридическая практика дают возможность выделить основные признаки брака в понимании законодателя того времени. Марксистские представления о браке были неразрывно связаны с утверждением, что основой брака должна быть взаимная склонность мужчины и женщины друг к другу, любовь. Один из авторов проекта Кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве от НКВД В.П. Верховский подчеркивал необходимость «индивидуальной половой любви в браке», а на сессии ВЦИК в 1925 г. эта мысль была сформулирована таким образом: «Брак основан на взаимном притяжении, на культурном и идейном единомыслии и на половых отношениях»⁹.

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Изд-во политической литературы, 1961. С. 84.

² Декрет от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» // Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — СУ РСФСР). 1917. № 11. Ст. 160.

³ Декрет от 19.12.1917 «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

⁴ Декрет от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

⁵ От Народных Комиссариатов юстиции и по местному самоуправлению. Об организации отделов записей браков и рождений. Инструкция. 4 января 1918 г. // Гойхбарг А.Г. Новое семейное право: Введение. Вступление в брак. Недействительные браки. Прежние браки. Прекращение брака и развод. Отношения супругов. Родители и дети. Опекунство. М.: Воен.-юрид. кн. маг. «Правоведение» И.К. Голубева, 1918. С. 84–86.

⁶ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76. Ст. 818.

⁷ ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 228.

⁸ См.: Верховский П. В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству. С приложением проекта нового кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве, разработанного Народным комиссариатом внутренних дел. Л., 1925.

⁹ ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. С. 246.

Наличие склонности или хотя бы хорошего отношения супругов друг к другу было не формальным требованием к браку, а серьезной установкой в судебной практике. Работники суда Витебского губернского отдела юстиции, например, при решении практических вопросов исходили из утверждения, что «брак есть свободное сожителство двух лиц»¹⁰.

Советское государство законодательно закрепило признание гражданского брака и необходимость его регистрации. Статья 52 КЗАГС утверждала, что только зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния брак порождает права и обязанности супругов, установленные в разделе II этого Кодекса. Но букве КЗАГС противоречили и официальное толкование статей Кодекса, и судебная практика, и представления о формальных характеристиках советской семьи, сложившиеся у нормотворцев. «Государственная власть ... должна не так строго придерживаться требования обязательного оформления брака перед советским учреждением», полагал один из создателей КЗАГС А.Г. Гойхбарг¹¹.

Преимуществом зарегистрированных супругов перед незарегистрированными было немного: в ст. 107 КЗАГС было закреплено право на получение содержания нуждающимся супругом (в качестве которого мог рассматриваться не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный) от другого, «если последний в состоянии». Однако в первые годы советской власти «последний», как правило, был не в «состоянии» оказывать обязательную супружескую взаимопомощь из-за крайне низких заработков, которые с трудом могли удовлетворить потребности даже одного человека.

Судебные органы во множестве случаев признавали имущественные права лиц, являвшихся супругами лишь фактически¹². В 1922 г. в «Еженедельнике советской юстиции» отмечалось: «Статья 52 не имела намерения поразить притязания незарегистрированной жены, и она должна признаваться имеющей все те права по имуществу, как и та, брак которой оформлен»¹³. Судебная практика подтверждала это положение. «Советское государство не навязывает обязательной регистрации брачных отношений», — определял Высший Судебный Контроль по одному из рассмотренных гражданских дел¹⁴. К тому же «практика народных судов знает многочисленные случаи признания прав на имущество, ...когда супруг умершего, хотя и не был зарегистрирован, но фактически был супругом»¹⁵. Примером серьезной оценки фактических взаимоотношений супругов может служить

одно из определений Гражданской Кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которым брак был признан прекращенным на основании того, что муж умершей женщины тиранил ее, бил и тратил ее заработок. Наследственные права за мужем, пережившим супругу, Кассационной коллегией в этом случае признаны не были¹⁶. Пренебрежение к действующей норме закона было вполне объяснимо в контексте господствовавшей в обществе идеи о том, что регистрация брака — пережиток, который со временем исчезнет, а на данном этапе развития государства регистрация брака должна осуществлять функцию борьбы с церковным браком.

Попытки разрушить дореволюционные представления о семье и браке в первые годы советской власти были очевидны не только в законодательной деятельности, но и в реальных отношениях между мужчиной и женщиной. Лидеры коммунистического движения, проповедовавшие свободную любовь, внесли свой немалый вклад в процесс замены традиционных семейных ценностей идеологическими догмами и понятиями о человеческом счастье, перечеркнувшими тысячелетний опыт российского народа. Александра Коллонтай с энтузиазмом отмечала, что советская Россия «представляет собой опытное поле, на котором выявляются в разнообразных формах брачные отношения, ближе отвечающие идеалам пролетарского класса и будущего коммунистического общества. ... Многих пугает та свобода, которая намечается во взаимоотношениях между полами. Но при всех уклонах и временном извращении новой пролетарской правды во взаимоотношениях между полами чувствуется свежее здоровое веяние, говорящее о том, что прежний мещанский взгляд на семью и брак бесповоротно отмирает, нарастает и создается новая половая мораль, отвечающая интересам трудового коллектива»¹⁷. Семья базировалась отныне не на экономических интересах, а представляла собой основанный на любви свободный союз женщины и мужчины, — подчеркивала А. Коллонтай¹⁸. «...Бременем, приковывающим ... (женщину. — Н.Н.) к дому, закабаляющим в семье, являлась забота о детях и их воспитании»¹⁹. «Это время советская власть своей коммунистической политической в области обеспечения материнства и социального воспитания решительно снимает с женщины, перекадывая его на социальный коллектив, на трудовое государство»²⁰.

Новая мораль молодого поколения строителей коммунизма могла быть выражена лозунгом «Долой

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 47.

¹¹ Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуновское право Советской республики. М., 1920. С. 15.

¹² Приградов-Кудрин А. Брачное право и наследование // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 12. С. 5; Рындзюнский Г. К проекту декрета о наследовании // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 15.

¹³ Рындзюнский Г. Вопросы действующего семейного права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8. С. 5.

¹⁴ Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 21.

¹⁵ Приградов-Кудрин А. Брачное право и наследование. С. 5.

¹⁶ См.: Судебная практика РСФСР. 1930. № 7.

¹⁷ См.: Коллонтай А. Быт и семья // Огонек. 1923. № 20.

¹⁸ Монахова Ю.А. Концепция материнства А.М. Коллонтай // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 112.

¹⁹ Коллонтай А. Революция быта // Марксистский феминизм: коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. С. 234.

²⁰ Там же.

стыд!», а любовь (в ее традиционном понимании) в соответствии с этой моралью была объявлена буржуазным предрассудком. В провинциальных городах России имел хождение «Декрет о социализации женщин», в одном из вариантов которого, в частности, указывалось: «С 1 мая 1918 г. все женщины с 18 до 32 лет объявляются государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро «свободной любви» при комиссариате призрения. Зарегистрированной в бюро «свободной любви» предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители... Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия на то последних, в интересах государства. Дети, произошедшие от такого сожительства, поступают в собственность республики»²¹.

В точном соответствии с этим законом действовали органы новой власти города Владимира, которые заявили, что «после 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. Если она не вышла замуж, то обязана встать на учет в бюро свободной любви»²². Регистрация давала право один раз в месяц выбирать мужа. Мужчина мог получить «даму сердца», не считаясь с ее мнением. В Саратове было объявлено, что частная собственность на женщин отменяется, и представительницы слабого пола становятся общественным достоянием, а в Пермской губернии советские органы в 1918 г. выдавали удостоверения следующего содержания: «Настоящим удостоверяем, предъявитель сего... уполномочивается на право приобретения себе барышни, и никто ни в коем случае не может сопротивляться, на что даются ему широкие полномочия...»²³.

Лозунг Инессы Арманд, воспевающий мимолетные связи и возводившей половую распущенность в ранг завоеванных революцией свобод, быстро овладел умами и сердцами молодого поколения. Охваченная революционным порывом молодежь решала проблему отношений мужчиной и женщиной крайне просто. На комсомольском собрании «слушали о половых сношениях. Постановили: половых сношений избегать нельзя. Если не будет половых сношений, то не будет мировой революции»²⁴.

С точки зрения марксистской идеологии и нового быта отношения между мужчиной и женщиной вообще и брак в частности следовало «ценить и поддерживать только... по взаимной склонности и только до тех пор, пока эта склонность продолжается»²⁵. Неслучайным в этой связи было акцентирование внимания в характеристике брака на полной свободе разводов и избавлении «людей от необходимости

брести через ненужную грязь бракоразводного процесса»²⁶.

Советские граждане уже с декабря 1917 г. в соответствии Декретом о расторжении брака обрели свободу разводов. Для того чтобы получить развод, было достаточно желания одного из супругов. «Мы готовы ценить и поддерживать только брак по взаимной склонности и только до тех пор, пока эта склонность продолжается», — подчеркивал П.В. Верховский²⁷. Такого прогрессивного законодательства не было ни в одном государстве того времени²⁸. И граждане молодой советской республики не замедлили воспользоваться предоставленной свободой. В имперской России развод представлял хлопотное и трудно реализуемое дело. Число расторгнутых браков было невелико. А в 1918 г. в Москве только за один месяц июль было подано 4 913 заявлений о расторжении брака²⁹. Количество заявлений о разводе по стране в 1919 г. составило около 200 000³⁰. Народные судьи Усть-Медведицкого округа в 1921 г. сообщали в Наркомюст: «Наблюдается более интенсивное предъявление исков о расторжении брака без всякой основательной причины, а просто по одному только чисто животному влечению, ибо в законе нет никакого ограничения в этом отношении»³¹.

Большое количество разводов, используемых крестьянством «исключительно в корыстных целях»³², зафиксировал Президиум Губернского Совета народных судей Вологодского судебного округа, а отдел юстиции Смоленского губисполкома обратил внимание на злоупотребления на почве разводов, граничащие с преступлениями: «Мужчины при такой свободе имеют возможность оболстать и сделать несчастными какое угодно количество девушек, поочередно прибегая к бракам и разводам неопределенное число раз»³³.

Реалии семейной жизни советских граждан находили свое отражение в прессе. «В нашей среде замечается определенная распущенность в вопросах взаимоотношений между парнем и девушкой. У нас считается признаком хорошего тона расходиться после небольшого промежутка времени», — отмечала московская газета «Молодой ленинец»³⁴, а «Вятская правда» сообщала о событиях в российской глубинке: «В деревне Осетровской Иван Иванович Осколков с Иваном Павловичем Шитовым переменились женами. Кроме бабы Шитов получит от Осколкова корову в придачу»³⁵.

²¹ Социализация женщин. Пг., 1918. С. 4–5.

²² Вилькоцкий В. Комбесстыдство // Огонек. 1997. № 44.

²³ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 596. Оп. 1. Д. 153. Л. 57.

²⁴ Вилькоцкий В. Указ. соч.

²⁵ Верховский П.В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству... С. 4.

²⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 85.

²⁷ Верховский П.В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству... С. 4.

²⁸ Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 14.

²⁹ Там же. С. 50.

³⁰ Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуновское право Советской республики. С. 81.

³¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 54.

³² Там же. Л. 63.

³³ Там же. Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 22.

³⁴ Молодой ленинец. 1924. 10 мая.

³⁵ Яговкин И. Оргазм в стиле ретро // Московский комсомолец. 1998. 5–12 февр. С. 22.

Законы, принятые в первые годы советской власти, институт отцовства не затрагивали. Однако свобода брака, уравнивание женщин в правах с мужчинами, простота развода, отсутствие должного законодательства по защите материнства и младенчества, развитие теории свободной любви — все это повлияло на положение и роль мужа в семье³⁶. От мужчины, вступающего в брак, требовалось быть рабочим и приносить в дом доход. Ответственность за семейное благополучие и воспитание детей муж не нес. Поэтому вся тяжесть семейного быта падала только на плечи жены. Закреплялось безответственное положение мужа в семье. На складывание такой ситуации существенное влияние оказали: войны, которые отрывали мужчин от семьи и разрывали брачные связи; «половая революция» и идеология «свободной любви», которые показали мужчине, что он может иметь несколько жен сразу и менять их по своему желанию; возложение заботы по дому на женщину как на хозяйку семейного очага и возможность быстрого расторжения брака. Безответственность по отношению к бывшей жене и детям позволяла мужчине легко создавать новую семью³⁷.

После развода законодательство предусматривало выплату алиментов со стороны мужа. Пресса регулярно освещала дела с исками о признании отцовства и уплате алиментов. Газета «Заря Запада» рассказывала о том, как Еврейская камера народного суда Витебска в клубе щетинного комбината слушала дело рабочего М. Израилита, «франтоватого молодого человека», отрицавшего свое отцовство. Решение суда о выплате ответчиком в пользу ребенка 20 % зарплаты комментировалось газетой: «Так такому хлюсту и полагаются!»³⁸

В Витебский суд направили свои требования шесть жен «худощавого старика 55 лет» Анисимова. Деревенские вдовы 35–40 лет обращались к Анисимову за помощью. Имея зажиточное хозяйство, он помогал женщинам, и, помогая, прижил шестерых детей. Ни с кем брак не регистрировал. Ситуация женщин устраивала, так как никому он в помощи не отказывал. Но потом Анисимов обеднел и от помощи отказался. Оставшиеся без поддержки женщины утверждали, что он завел седьмую жену.

³⁶ Грингоф И.А. Трансформация социальных институтов материнства и отцовства в рамках изменения семейных отношений в первое десятилетие установления советской власти в России // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 145.

³⁷ Там же.

³⁸ Яковлева Г.Н. Проблемы материнства и детства на страницах газет г. Витебска 1920-х гг. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 295.

Суд приговорил Анисимова к году лишения свободы, а имущество передал на обеспечение иска³⁹.

С учетом того, что заявления женщины было достаточно, чтобы того, кого она назвала «сожителем», суд признал отцом внебрачного ребенка, судебные органы часто решали вопросы о конфликте интересов в этой области. Полагая, что мужчине защититься от таких исков было практически невозможно, Демьян Бедный в своей поэме «Всерьез и... ненадолго, или Советская женитьба»⁴⁰ иронизировал:

*Оставшись с какой-то девицей вдвоем,
Да еще с какой-то девицей вдвоем,
Дважды парень попался на прием
Самый элементарный,
То бишь, самый простой,
И нынче парень холостой-то, холостой,
Но дважды «алиментарный».*

На практике алименты или не выплачивались вовсе, или были столь незначительны, что не способствовали улучшению положения женщины, оставшейся одной с детьми. Тенденция роста числа матерей-одиночек в первые годы советской власти приобрела устойчивость. В типичную превратилась ситуация, когда женщины оставляли детей на ступеньках храмов, подбрасывали в подъезды домов центральных улиц города, рассчитывая, что там их быстрее обнаружат. Некоторые из женщин решались на детоубийство. Некоторые отдавали детей в приюты или ясли. Большая часть содержавшихся в домах ребенка детей были подкидышами, остальные — дети матерей-одиночек из рабочих или крестьян. В яслях «штатные койки заполнены детьми, имеющими только матерей, брошенных отцами»⁴¹.

В условиях формирования новых ценностей и морали распространение получило «революционное кукушество», о котором нередко сообщала пресса. Так, ставропольская крестьянка Е. Черкасова вступила в красноармейский отряд Щейко вслед за мужем и четырьмя братьями, оставив грудного ребенка старикам-родителям⁴². Мария Макарова, жена и соратница командира красного партизанского отряда в Екатеринославле, в 1918–1919 гг., когда территория находилась под контролем немцев, а затем денкинцев, выполняла разведывательную работу, используя для этого дочерей двух и четырех лет и «подвергая свою жизнь и детей смертельной опасности»⁴³. Такое кукушество соратниками не

³⁹ Там же.

⁴⁰ Бедный Д. Всерьез и... ненадолго, или Советская женитьба: Юридический трактат. М.; Л.: Гос. изд., 1926.

⁴¹ Яковлева Г.Н. Проблемы материнства и детства на страницах газет г. Витебска 1920-х гг. С. 295.

⁴² Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. М.: Огиз, 1938. С. 218.

⁴³ Морозова О.М. Революционные кукушки // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 118.

осуждалось, поскольку рассматривалось как высший подвиг женской натуры⁴⁴.

Дополняла картину постреволюционных перемен легализация в 1920 г. аборт⁴⁵, осуществленная после долгой дискуссии, начавшейся на XII съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в 1913 г. В Постановлении «Об охране здоровья женщин» аборт назывался «моральными пережитками прошлого», а причиной их разрешения назывались «тяжелые экономические условия настоящего». Нормативный правовой акт подчеркивал, что аборт — явление временное и «путем укрепления социалистического строя и агитации ... [советская власть] ... борется с этим злом и ... предвидит постепенное исчезновение этого явления»⁴⁶. Разрешалось «бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность»⁴⁷. Но первые шаги в борьбе с абортами начались уже в 1924 г., когда была введена обязательная регистрация женщин, попавших в больницу для производства полного аборта, и женщин, поступивших в больницу с начатым вне больницы (неполным) аборт⁴⁸. «Абортные комиссии» устанавливали очередь на бесплатные аборт, соблюдая при этом классовый подход. Исходя из установок официальной идеологии, работа комиссий носила запретительный характер и оценивалась по количеству выданных женщинам отказов⁴⁸. В 1924–1927 гг. рост числа аборт к 100 родившихся увеличился в 2,6 раза⁴⁹

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Постановление Народных Комиссаров и юстиции № 471 «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 681.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Новинская Т.Ю. Аборт и политико-экономическая реальность в СССР // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 38.

⁴⁹ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое, 2006. С. 203.

и подтверждал вывод о том, что разрушение традиционного уклада семьи имело более пагубные последствия, чем Первая мировая или гражданская войны, после окончания которых «население быстро вернулось к прежним нормам демографического и семейного поведения»⁵⁰.

Несмотря на признание юридической силы за фактическими браками сначала в теории, а потом на практике и в законодательстве, представления о необходимости супружества, зарегистрированного в официальном порядке, и строгой морали находили место в правосознании российских граждан и в первые годы советской власти. Демьян Бедный призывал:

*Чтобы знали Иван и Машутка,
Что их брак — не такая пустяшная шутка,
Не комедия — «здравствуй — прощай»,
«Обзаконясь», игривость свою сокращай,
Не швыряйся семьею в беспутнейшем раже,
Знай: советский закон в этом деле на страже,
Он в семье не потерпит бесчинства —
Стержень, ось его брачных статей:
Охрана «святого святых» — материнства,
И защита детей!»⁵¹*

Таким образом, 1917 г. стал началом революции в семейно-брачных отношениях. В первые годы советской власти шел процесс формирования системы советских семейно-брачных отношений, закрепления правового статуса членов семьи и процессуальных гарантий его реализации в условиях ликвидации в России сословного строя и отделения церкви от государства. Необходимость многих из перемен определилась еще в дореволюционный период, а после Октября 1917 г. государство пыталось законодательно зафиксировать новую идеологию семьи и брака, новые представления о роли и месте женщины в социалистическом обществе. При этом жизненные реалии зачастую опережали законодательные парадигмы либо принципиально не совпадали с ними.

⁵⁰ Новинская Т.Ю. Аборт и политико-экономическая реальность в СССР. С. 38.

⁵¹ Бедный Д. Всерьез и... ненадолго, или Советская женитьба: Юридический трактат.

Литература

1. Верховский П.В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству. С приложением проекта нового кодекса законов о брачном, семейном и опекуном праве, разработанного Народным комиссариатом внутренних дел / П.В. Верховский. Л.: Госиздат, 1925. 56 с.
2. Вилькоцкий В. Комбесстыдство / В. Вилькоцкий // Огонек. 1997. № 44. URL: http://samilib.ru/w/wilxcockij_w_b/kombesstydstwo.shtml (дата обращения: 10.11.2017).
3. Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуное право Советской республики / А.Г. Гойхбарг. М.: Госиздат, 1920. 164 с.
4. Гойхбарг А.Г. Новое семейное право: Введение. Вступление в брак. Недействительные браки. Прежние браки. Прекращение брака и развод. Отношения супругов. Родители и дети. Опека. / А.Г. Гойхбарг. М.: Изд-е Воен.-юрид. кн. маг. «Правоведение» И.К. Голубева, 1918. 88 с.
5. Грингоф И.А. Трансформация социальных институтов материнства и отцовства в рамках изменения семейных отношений в первое десятилетие установления советской власти в России / И.А. Грингоф // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. С. 143–146.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
7. Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. / сост. и подг. к печати И. Разгон, В. Горбункова, А. Мельчин. 2-е изд., доп. М.: Огиз, 1938. 248 с.
8. Коллонтай А. Быт и семья / А. Коллонтай // Огонек. 1923. № 20.

9. Коллонтай А. Революция быта / А. Коллонтай // Марксистский феминизм: коллекция текстов А.М. Коллонтай. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. С. 230–239.
10. Монахова Ю.А. Концепция материнства А.М. Коллонтай / Ю.А. Монахова // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолЛГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 111–113.
11. Морозова О.М. Революционные кукушки / О.М. Морозова // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолЛГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 115–118.
12. Новинская Т.Ю. Аборт и политико-экономическая реальность в СССР / Т.Ю. Новинская // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолЛГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 36–40.
13. Приградов-Кудрин А. Брачное право и наследование / А. Приградов-Кудрин // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 12. С. 3–5.
14. Рындзюнский Г. Вопросы действующего семейного права / Г. Рындзюнский // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 8. С. 5.
15. Сеидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса: учебное пособие / Н.А. Сеидеркин. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
16. Социализация женщин. Пг., 1918. 32 стб.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Изд-во политич. литературы, 1961. С. 23–178.
18. Яговкин И. Оргазм в стиле ретро / И. Яговкин // Московский комсомолец. 1998. 5–12 февр. С. 22.
19. Яковлева Г. Н. Проблемы материнства и детства на страницах газет г. Витебска 1920-х гг. / Н.Г. Яковлева // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. Смоленск: Изд-во СмолЛГУ; ИЭА РАН, 2016. С. 293–296.

ОТ РЕДАКЦИИ. ПРЕДСТАВЛЯЕМ НЕОБЫЧНУЮ КНИГУ О СУДЬБАХ ПРАВА И ЕГО СЛУЖИТЕЛЕЙ В РЕВОЛЮЦИИ

В канун столетия Великой русской революции из печати вышла книга **«Юристы и революция. Pro et Contra»**. (М.: Кучково поле, 2017. 552 с.).

Ее основное содержание принадлежит перу авторского тандема — д.ю.н., профессора, заслуженного юриста РФ, декана Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова С.М. Шахрай и д.ю.н., профессора кафедры государственного аудита Института государственной службы и управления РАНХиГС К.П. Краковского. Отдельные главы написаны д.ю.н., профессором, заслуженным деятелем науки РФ В.М. Сырых (Российский университет правосудия), д.ф.н., профессором А.Н. Медушевским, д.и.н., профессором О.В. Будничким (оба из НИУ ВШЭ), д.и.н., профессором Ю.В. Варфоломеевым (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского).

Эта книга, основанная на многочисленных архивных документах, предлагает необычный ракурс осмысления феномена Революции 1917 г. — через призму судеб и взглядов видных отечественных юристов, оказавшихся по разные стороны баррикад, а затем и границ революционной России.

Взяв на вооружение идею, известную со времен Плутарха, авторы представляют «Сравнительные жизнеописания» пар юристов, схожих по характеру, происхождению, роду занятий, общественному статусу, но с одним существенным отличием — эти яркие личности по-разному ответили на вопрос «Pro или Contra?» Особое внимание уделено проблеме ответственности элит за «повороты» российской истории.

Волею авторов под одной обложкой оказались собраны истории очень ярких личностей. Среди них есть те, кто в годы революции взлетели на вершину политического Олимпа (Александр Керенский, Владимир Ленин), и те, кто предпочли укрыться от политических потрясений в своем академическом мирке (Павел Новгородцев, Федор Тарановский, Федор Зигель, Евгений Спекторский). Одни были известными общественными деятелями (Владимир Гессен, Максим Винавер, Иосиф Гессен), другие занимали высокие посты в юридических институтах (Анатолий Кони, Николай Крыленко, Петр Стучка). Тут и блистательные столичные адвокаты (Василий Маклаков, Оскар Грузенберг, Николай Муравьев) и не менее блистательные выходцы из провинции (Владимир Зеелер, Андрей Петровский), потомственные дворяне и «вольные казаки», кадеты, эсеры, большевики, меньшевики.

Но все эти яркие люди принадлежали к одному юридическому кругу «старой России» — довольно узкому и закрытому. Они не только «пересекались» в университетских коридорах или в судебных процессах, но и нередко жили по соседству, дружили семьями, переписывались и раскланивались при встрече на улице. Пройдет несколько лет, и все они окажутся по разные стороны баррикад, а потом — и российской границы.

И те, кто остался в большевистской России, и те, кто отправился в эмиграцию, не могли оставаться сторонними наблюдателями: своими трудами, выступлениями, проектами юридических актов (включая проекты конституций) они выражали отношение

к Революции 1917 г., к новой власти, к будущему молодого государства.

Размышления о личной ответственности за судьбу России для всех отечественных юристов были тесно связаны еще и с вполне практическим вопросом — если остаться, то как строить отношения с новой властью? Занять активную гражданскую позицию или укрыться в «башне из слоновой кости»? Помогать или противодействовать? Пытаться убедить большевиков в необходимости уважать закон и покориться диктатуре права либо сделаться послушным «оформителем» деяний новой власти, подчинить право текущим нуждам диктатуры пролетариата?

От ответов на эти вопросы зависела не только судьба (а порой и жизнь) отечественных юристов, оставшихся в революционной России, но и тот облик советского права, который сложился как результирующий вектор взаимодействия отдельных юридических «воль» в представленных исторических условиях.

Тем же, кто отправился в эмиграцию, досталась не только печальная задача стороннего наблюдателя, пытающегося вновь и вновь понять, кто виноват и что делать, но и особая миссия хранителя традиций «старой России» и православия, попираемого на Родине, а также моральное право свидетельствовать перед миром о подлинном лике великой страны, искажаемом большевизмом. «Мы не в изгнании, мы в послании», — так Зинаида Гиппиус выразила суть миссии русских изгнанников, которые своим главным жизненным делом на чужбине считали заботу о будущем России.

В своей книге авторы рассказывают не только о своих героях, но и об их учителях, коллегах, друзьях и противниках, о представителях разных юридических профессий и школ, о нравах и атмосфере, царивших в удивительном мире российских юристов.

Одна из ключевых идей этой книги — лучше спорная конституция, чем бесспорная революция. За то, что конституционная реформа потерпела неудачу, а разрушительный джинн революции был выпущен на свободу, ответственны не только большевики, но и российская элита, которая чуть ли не в едином порыве призывала: пусть скорее грянет буря! Буря грянула, но справиться с ней уже не смогли. И если в Европе, в ходе революций один правопорядок быстро сменялся другим, более совершенным и демократичным, то опыт российского 1917 г. оказался совсем иной.

Поначалу, после Февраля, Временное правительство намеревалось в целом сохранить прежний «юридический быт» России. Верные тому свидетельства — продолжение (с некоторыми изменениями и изъятиями) действия Свода Законов, намерение начать издание четвертого «Полного собрания законов», быстрое создание эффективного механизма защиты публичных прав граждан — административной юстиции, становление которой прежний режим саботировал десятилетиями, и, что особенно важно, сохранение с минимальными модификациями главного

звена правоприменительной системы — основанного на положениях Судебных уставов суда, которое Временное правительство пыталось очистить от «наносов» эпохи контрреформ.

Однако Октябрь провозгласил полный отказ от старого права, законности и системы юридических институтов. В этом новой власти помог определенный диссонанс, который имел место между хранившейся в народном правосознании идеей справедливости и «старым» правопорядком. И хотя диктатура пролетариата предложила свою формулу правовой идентичности, основанную на марксистском представлении о праве как классовом явлении, взявшие власть большевики не один десяток лет блуждали в поисках подходящей теории *нового права*. В результате на смену первоначальным нигилистическим представлениям советских политиков, теоретиков и практиков (среди которых были и герои этой книги) о праве, которое в силу его «буржуазного характера» должно быть отвергнуто при социализме, пришла идея «социалистического права» (автором этого термина стал один из героев книги Михаил Рейснер).

О его сущности и содержании довольно долго шли жаркие споры. Для некоторых участников дискуссий дело закончилось расстрелом (Евгений Пашуканис, Николай Крыленко и др.). Но при всех теоретических разногласиях на практике социалистическое право понималось как явление формальное, даже техническое, и считалось чем-то вроде подсобного инструмента для оформления партийного волеизъявления. В результате большевистская революция создала совершенно новые, основанные на классовых подходах конституционную, общеправовую и правоприменительную системы, которые оказались далеки от принципов гуманизма и общечеловеческих ценностей. Чем это «достижение» обернулось для советского общества хорошо известно.

И, конечно, не следует забывать, чем это обернулось для юридической профессии, юридического образования и науки, всего юридического сообщества в нашей стране. Только в начале 90-х гг. XX в. мы начали по-настоящему возвращаться «домой — к праву», в том числе к идеям и идеалам Судебных уставов 1864 г. Очевидны и позитивные сдвиги во всех областях «юридического мира» — вырос авторитет юридической профессии, начался «бум» юридического образования, качественно улучшились научные исследования в области права и юридическая публицистика, появились влиятельные общественные организации (Ассоциация юристов России, союзы адвокатов).

И хотя история не знает сослагательного наклонения, авторы со всей ответственностью заявляют, что если бы Временное правительство занялось разработкой проекта Конституции не в начале октября 1917-го, а несколькими месяцами раньше, как можно быстрее разработало и утвердило действительно очень удачный и демократичный закон о выборах в Учредительное собрание и провело на его основе выборы, то история почти гарантированно пошла бы по

иному пути. Весь общественный энтузиазм и нарастающее напряжение были бы направлены не на баррикады, а на споры по конституционным проектам и на предвыборную борьбу, то есть — в конституционное русло. Русло революционное просто бы «пересохло».

Но как бы то ни было авторы книги уверены, что нет смысла искать правых и виноватых. «В революции, как и в гражданской войне, у каждого своя правда и своя вина. И все мы несем равную ответственность за то, что из всех возможных исторических вариантов

нередко выбираем самый трагический путь. Сто лет — хороший срок, чтобы научиться, помимо черного и белого, различать все другие цвета в истории Отечества. Настало время собрать все «разбросанные судьбы», восстановить единство исторической памяти и Русского мира», — заявляют авторы этой книги.

Книга адресована специалистам-исследователям, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется отечественной историей государства и права.

НИКОЛАЙ ЛАЗАРЕВСКИЙ В 1917 Г.: ТЕОРЕТИК ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА НА СЛУЖБЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

*Неверов Евгений Дмитриевич,
ассистент, аспирант кафедры
теории и истории права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
neverov-e@yandex.ru*

В статье проанализирована роль одного из выдающихся юристов-государствоведов начала XX в. Николая Ивановича Лазаревского в работе юридических служб при Временном правительстве. Рассматривается его участие в составлении программных документов Временного правительства, деятельности Юридического совещания и специальных комиссий, учрежденных при Юридическом совещании.

Ключевые слова: *Н.И. Лазаревский, русский либерализм, государственное право, Временное правительство, Юридическое совещание.*

Nikolay Lazarevsky in 1917: a State Law Theorist Serving the Provisional Government

*Neverov Evgeny D.
Teaching Assistant
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Law
of the Law Faculty of the National Research University
“Higher School of Economics”*

The article considers the role of Nikolai Lazarevskii, leading scholar of Russian constitutional law in the beginning of XX century, in the work of legal services of the Provisional Government, Juridical Council and its special commissions.

Key words: *Nikolai Ivanovic Lazarevskii, Russian liberalism, Constitutional law, Provisional Government, Juridical Council.*

Рубеж XIX–XX вв. дал русской юридической мысли плеяду выдающихся ученых-правоведов. К тому времени русская юридическая мысль развилась до уровня, позволившего ей вырабатывать самостоятельные теоретические доктрины и встать в один ряд с первыми именами европейской науки права¹.

В числе лучших представителей русской юридической мысли начала XX в. следует выделить теоретика государственного права Николая Ивановича Лазаревского. Его исследования, посвященные проблемам административной юстиции, парламентаризма, федерализма, избирательного права, а также курс лекций по русскому государственному праву пользовались большим авторитетом в академической среде². По словам современника,

¹ См.: Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века. М., 2010.

² По словам И.В. Гессена, Лазаревский представлял собой «настоящий кладь русского государственного права»

его взгляды отличала «несокрушимая вера в правовое государство, спокойное отношение к различным формам правления, если только они обставлены достаточными и реально соблюдаемыми конституционными гарантиями, пламенная убежденность в конечном торжестве права в государственной жизни»³.

Наследие Н.И. Лазаревского не пользуется большим вниманием современных исследователей. Единственной специальной работой остается энциклопедическая статья К.А. Соловьева⁴, ему также посвящен ряд кратких биографических статей⁵.

Представляется, что научная и профессиональная биография Лазаревского заслуживает подробного рассмотрения. В 1917 г. он принял активное участие в работе юридических служб при Временном правительстве. Теоретические компетенции Лазаревского стали источником для формирования управленческих и законодательских доктрин новой власти после Февральской революции. Нами будет рассмотрена роль Лазаревского в работе ведомств Временного правительства.

Свое сотрудничество с новой революционной властью Н.И. Лазаревский начал уже в первые дни ее формирования. В начале марта Лазаревский принял участие в разработке Обращения Временного правительства «К гражданам России» — первого программного документа новой власти. Вместе с Лазаревским составлением этого текста занимались Н.В. Некрасов, В.Д. Набоков, А.А. Добровольский и Ф.Ф. Кокошкин. В Обращении, которое было опубликовано 6 марта, подчеркивалось, что Учредительное собрание «издаст основные законы, обеспечивающие незыблемые основы права, равенства и свободы»⁶. Устанавливалось, что задачи Временного правительства будут состоять в осуществлении текущего управления в стране, реализации исполнительной власти, а также рассмотрении вопросов законодательного характера до тех пор, пока форма правления

не будет определена Учредительным собранием. При этом Временное правительство должно было «немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство»⁷.

Следует отметить, что кандидатура Лазаревского на роль эксперта в области публичного права была выбрана Временным правительством неслучайно. Его имя было хорошо известно в русских либеральных кругах. С 1898 г. он был редактором-издателем и одним из основателей либеральной юридической газеты «Право», и именно в этом издании вышло большинство его работ⁸. Работая в «Праве», Лазаревский сошелся с Л.И. Петражицким, В.М. Гессеном, И.В. Гессеном, А.И. Каминкой, В.Д. Набоковым, Б.Э. Нольде, Д.Д. Гриммом и др. Также он участвовал в подготовке совместных издательских проектов редакции «Права» и либерального кружка «Беседа», в результате которых вышли в свет сборники, посвященные актуальным политическим вопросам. В рамках этого сотрудничества в 1905 г. Лазаревский опубликовал статью, посвященную проблемам народного представительства в сборнике «Конституционное государство»⁹. Благодаря этим контактам он получил опыт экспертной работы в период I Государственной думы: при фракции кадетов была создана особая комиссия для подготовки законодательства, в состав которой Лазаревский вошел вместе с другими либеральными юристами¹⁰.

В отличие от многих пришедших на управленческие посты в 1917 г., Лазаревский обладал большим опытом государственной службы, который был необходим в условиях формирования новых бюрократических практик¹¹. Окончив юридический факультет Петербургского университета в 1892 г., Лазаревский в 1896 г. был определен в Министерство внутренних дел, в январе 1897 г. переведен на службу чиновником особых поручений в Министерство финансов для занятий по юрисконсультской части. В 1899 г. был назначен чиновником по судебной части акцизного управления Тверской губернии. В 1914 г. — юрисконсульт Министерства финансов¹². Таким образом,

(Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 146). Некоторые наиболее значимые его сочинения: Самоуправление // Мелкая земская единица: в 2 т. СПб., 1902; Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905; Законность и пределы ее осуществления // Право. 1905. № 2; Гос. дума и участие ее в делах законодательства // Право. 1905. № 33; Автономия // Право. 1906. № 2; Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; Давность для денежных требований казны и к казне. СПб., 1914; Причины и задачи войны 1914–1915 гг. Пг., 1915; Судебная и административная практика как источник права. Пг., 1916; Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1913; Русское государственное право. Пг., 1917; и др.

³ Бестужевка. Н.И. Лазаревский — учитель права // Памяти погибших. Париж, 1929. С. 191.

⁴ Соловьев К. А. Лазаревский Николай Иванович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2010. С. 514–515.

⁵ Лазаревский Николай Иванович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/person/802.html> (дата обращения: 24.11.2017);

⁶ Там же. С. 176–177, 323.

⁷ Февральская революция 1917 г.: сборник документов и материалов. М., 1996. С. 177.

⁸ Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 146, 148, 152; О газете «Право» см. подробнее: Соловьев К.А. Право // Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия. М., 2016. С. 754–756.

⁹ Лазаревский Н.И. Народное представительство в системе других государственных установлений // Конституционное государство. Сборник статей. СПб., 1905. С. 179–222.

¹⁰ Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 2. СПб., 1907. С. 14.

¹¹ О кадрах во Временном правительстве см.: Куликов С.В. В самых лучших отношениях: бюрократическая элита и Временное правительство // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 370–385.

¹² Биографические данные здесь приводятся по: Лазаревский Николай Иванович // Сетевой биографиче-

он обладал необходимым уровнем теоретического понимания конституционного и административного права и многолетним опытом практической юридической работы на государственной службе.

Лазаревский работал в Юридическом совещании (далее — ЮС) при Временном правительстве, причем на всем протяжении его существования. То был орган, осуществлявший юридическую экспертизу принимаемых правовых актов. К ведению ЮС были отнесены вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка. Совещание давало предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также и иным, по которым такое заключение будет признано Временным правительством необходимым. Было принято решение, что ЮС не будет ограничивать круг своих занятий только рассмотрением уже выработанных проектов законов, но и будет самостоятельно разрабатывать новые законоположения¹³.

С марта 1917 г. Лазаревский был товарищем председателя ЮС. Его перу принадлежит авторство многих заключений, которые ЮС выносило на рассмотрение Временного правительства, и законопроектов, разработанных в стенах ЮС. Например, в конце марта в ЮС на экспертизу поступило воззвание служащих Министерства земледелия. ЮС поручило Лазаревскому самостоятельно разработать проект заключения¹⁴. Также в марте ЮС рассматривало важнейший программный вопрос — концептуальные основы работы над проектом Положения о выборах. 31 марта было принято решение поручить Лазаревскому подготовку программы вопросов избирательного права, которые необходимо было решить при выработке положения о выборах в Учредительное собрание. Подготовленная им программа основных вопросов избирательного права содержала четыре основных раздела: 1) условия активного и пассивного избирательного права; 2) система выборов; 3) организация избирательных округов; 4) участие в выборах военных¹⁵.

В апреле при обсуждении пакета законопроектов МВД о местном самоуправлении Лазаревский выступил со своими авторитетными замечаниями, позволившими существенно доработать программу реформирования местного самоуправления¹⁶. 10 апреля по проекту МВД о производстве выборов Гласных городских дум и об участковых городских управлениях Лазаревский единолично разработал проект

заключения, которое затем легло в основу принятого решения. В отдельных случаях Лазаревский занимался самостоятельной разработкой законопроектов, как это было в случае с проектом Положения «Об использовании водных сил»¹⁷.

В июле 1917 г. Лазаревский сменил Ф.Ф. Кокوشкина и стал председателем ЮС, оставаясь им вплоть до октября 1917 г. Как председатель ЮС Лазаревский отвечал за все ключевые организационные решения, имел право решающего голоса в заседаниях, а также принимал участие в заседаниях Временного правительства в «тесном составе», так называемых политических, наряду с военным министром, морским и министром финансов, а также начальником кабинета МИД¹⁸.

При ЮС был создан ряд комиссий, сыгравших важную роль в системе законотворчества Временного правительства, и во всех них Лазаревский выступал в качестве одного из наиболее уважаемых специалистов в области публичного права. 27 июля 1917 года при ЮС была образована Особая комиссия по ликвидации сословных учреждений, председателем которой стал Лазаревский. С 11 октября приступила к работе Особая комиссия по подготовке проекта Основных законов, которую также возглавил Лазаревский. Ее целью, по словам Лазаревского, была не «выработка текста отдельных законопроектов, но главным образом создание такого материала, который помог бы Учредительному собранию разобраться в ... возникающих государственно-правовых вопросах, имея ... в виду, что разрешать эти вопросы придется ... лицам не вполне подготовленным». Работа комиссии началась накануне падения Временного правительства, и поэтому юристы не успели выработать законченного проекта будущей конституции. Однако они успели определить предварительную структуру будущего проекта и в соответствии с ней Лазаревскому была поручена разработка принципов автономии, федерализации и самоуправления¹⁹.

В своем проекте Лазаревский отразил традиционную для кадетской доктрины концепцию автономизации²⁰. Россия должна была остаться единой и нераздельной, при этом предусматривалась областная автономия. Предполагалось создать областные учреждения, статус которых определялся бы центральным законодательством, имевшим приоритетное действие по отношению к региональному. Лазаревский также предлагал предусмотреть особый статус Финляндии, однако конкретный порядок отношений между центральным и финским правительством должно было определить Учредительное собрание. Предложенный проект

ский словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/person/802.html> (дата обращения: 24.11.2017).

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 53.

¹⁵ См.: Стародубова А.А. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 63.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 136–141.

¹⁷ Там же. Д. 3. Л. 56.

¹⁸ См.: Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 54–55.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 1а, 3, 2, 47–49.

²⁰ См.: Автономия // Право. 1906. № 2; Неверов Е.Д. Государственно-территориальное устройство России... СПб., 2016. С. 243–264.

прошел предварительное рассмотрение в Особой комиссии, однако все работы были прекращены в результате Октябрьского переворота.

Итак, Н.И. Лазаревский сыграл одну из наиболее видных ролей в работе юридических служб в системе Временного правительства. Осуществляемое

им экспертное сопровождение первых мероприятий Временного правительства в марте 1917 г., деятельность в рамках ЮС и созданных при нем специальных комиссий представляет собой уникальный опыт участия ученого-правоведа в принятии важнейших управленческих и законодательных решений.

Литература

1. Белошাপка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования / Н.В. Белошاپка. М., 1998. 175 с.
2. Бестужевка. Н.И. Лазаревский — учитель права // Памяти погибших. Париж, 1929. С. 161–163.
3. Вестник Временного правительства. 1917. № 4. 9 марта.
4. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917) / Ф.А. Гайда. М., 2016. 604 с.
5. Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет / И.В. Гессен // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. 424 с.
6. Искевич И.С. Модель демократического государства в законодательстве и конституционных проектах Временного правительства / И.С. Искевич // Памятники российского права: в 35 т. Т. 21: Памятники права Временного правительства. М., 2016. С. 8–25.
7. Куликов С.В. В самых лучших отношениях: бюрократическая элита и Временное правительство / С.В. Куликов // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 370–385.
8. Лазаревский Н.И. Народное представительство в системе других государственных установлений / Н.И. Лазаревский // Конституционное государство. Сборник статей. СПб., 1905. С. 179–222.
9. Лазаревский Николай Иванович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/person/802.html> (дата обращения: 24.11.2017)
10. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века / А.Н. Медушевский. М., 2010. 486 с.
11. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века / А.Н. Медушевский. М., 2010. 640 с.
12. Набоков В.Д. Временное Правительство / В.Д. Набоков // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 9–97.
13. Неверов Е.Д. Государственно-территориальное устройство России в программе Юридического совещания при Временном правительстве 1917 г. / Е.Д. Неверов // Сборники Президентской библиотеки. Серия: Историческое правоведение. Вып. 3: Территориальное устройство Российского государства: история и современность: сборник научных трудов. СПб., 2016. С. 243–264.
14. Неверов Е.Д., Туманова А.С. Юридическое совещание при Временном правительстве: правовые основания и содержание деятельности / Е.Д. Неверов, А.С. Туманова // Памятники российского права: в 35 т. Т. 21: Памятники права Временного правительства. М., 2016. С. 49–60.
15. Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы / П.И. Новгородцев // Первая Государственная дума. Вып. 2. СПб., 1907. С. 1–22.
16. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914) / К.А. Соловьев; отв. ред. Шелохаев В.В. М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
17. Соловьев К.А. Лазаревский Николай Иванович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX вв.: энциклопедия / К.А. Соловьев. М., 2010. С. 514–515.
18. Стародубова А.А. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Стародубова. М., 2000. 196 с.
19. Февральская революция 1917 г.: сборник документов и материалов. М., 1996. 351 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ В 1917 ГОДУ

*Трофимов Денис Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
kafedratgp@hse.ru*

В статье на основе анализа архивных документов рассматриваются процессы формирования и деятельности общественных исполнительных комитетов (комитетов общественной безопасности, комитетов общественных организаций) в 1917 г. Утверждается, что в формировании таких структур гражданское общество принимало непосредственное участие. Подчеркивается, что представители гражданского общества сыграли существенную роль и в деятельности комитетов, встроены в последствии во властную вертикаль Временного правительства.

Ключевые слова: февральская революция, общественные исполнительные комитеты, комитеты общественной безопасности, комитеты общественных организаций, гражданское общество России в 1917 г.

Public Executive Committees as Structures of the Russian Civil Society in 1917

*Trofimov Denis V.
Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of Law of the Law Faculty of the National Research University
“Higher School of Economics”*

The article is devoted to issues of civil society influence on the process of formation and organization of public executive committees (committees of public safety, committees of public organizations) activity in 1917. The analysis is based on the archive historical legal documents. It is confirmed that civil society got into the act of forming this kind of structures often. It is underlined that representatives of civil society played significant role also in the activity of committees which were slipped into vertical power structure of the provisional government later.

Key words: February revolution, public executive committees, committees of public safety, committees of public organizations, civil society of Russia in 1917.

Одним из результатов революционных событий Февраля 1917 г. стало сосредоточение высшей власти в России в руках Временного правительства, приступившего к либеральной модернизации страны уже с первых дней своей деятельности. При таких обстоятельствах революция не могла не стать причиной резкого повсеместного всплеска активности гражданского общества.

Особенно ярко проявило себя возрождающееся постреволюционное гражданское общество в создании на местах структур, обобщенно именованных в документах как «общественные исполнительные комитеты». Они, призванные стать заменой царскому аппарату местного управления, формировались на фоне распада дореволюционного механизма государства, в условиях победы идей «свободы, равенства, братства» и децентрализации власти. На заседании съезда губернских комиссаров и представителей комитетов 5 августа 1917 г. было отмечено: «Сущность нового демократического строя заключается в том, что центр тяжести переносится на ту местную инициативу, то местное творчество, которое душилось при старом строе правительственным центром. Но это не означает ликвидацию центра, он остается в полной силе, но его источник творчества иной, он призван обобщать местное творчество и нести на периферии декреты как результаты обобщения»¹.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 17. Л. 34 (об) — 35.

Инициаторами создания комитетов могли выступать, в частности, земские (городские) органы самоуправления, крестьянские сходы, советы и т.д.² Формировались новые структуры на губернском, уездном и волостном уровнях управления. Так, после получения информации о произошедшем в Петрограде перевороте, центром «забурлившей общественной жизни» Ярославля стала губернская земская управа. При ней была образована специальная организационная комиссия, имевшая целью формирование исполнительного комитета общественно-народного порядка. Новый орган власти 1-го марта 1917 года обратился с воззванием к населению, призвав его «к порядку, к усугубленному труду, живому организованному проявлению общественной силы»³.

В Шенкурском уезде Архангельской губернии подобного рода структурой была Народная управа, избранная на съезде представителей уезда. Управа выполняла хозяйственно-административные и культурно-просветительские функции⁴. В городе Егорьевске Рязанской губернии функционировало два комитета: уездный и городской. Временный уездный исполнительный комитет был избран 22 марта 1917 г. из лиц, явившихся на собрание. «Почин

² См., например: Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. С. 189–201.

³ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. Л. 94.

⁴ Там же. 77. Л. 70.

образования» Комитета принадлежал особому совещанию при уездной управе⁵

В Михайловском уезде Рязанской губернии волостные и сельские комитеты избирались местным населением на сходах. Председателями комитетов в уезде становились, как правило, волостные старшины⁶. В волостях Лифляндской губернии на смену до-революционным волостным правлениям приходили временные волостные исполнительные комитеты, избиравшиеся на общих волостных сходах при участии всех полноправных членов волостных обществ⁷.

«Лихорадочная реорганизация всего волостного управления» шла и в волостях Витебской губернии. На всей ее территории формировались волостные общественные комитеты, заменявшие собой волостные правления. Старшины уступали свои должности волостным комиссарам⁸.

19 марта 1917 г. на общем собрании жителей Галановской волости (Сарапульский уезд Вятской губернии) ветеринарный врач Красноперов «разъяснил программу деятельности нового правительства» и предложил жителям сформировать Волостной комитет общественной безопасности. В качестве членов Комитета были избраны крестьяне села Галанова, крестьяне других деревень, начальник почтового отделения, священник, волостной писарь⁹. 26 марта того же года состав Комитета был расширен. В него вошли не только лица, избранные в соответствии с селенными и общественными приговорами, но и лица, избранные на совместном собрании учительского персонала и земских служащих¹⁰.

Стоит согласиться с мнением Н.Н. Кабытовой, которая считает, что «в 1917 году община проявила себя как самовозрождающаяся структура, выдвинув новые организационные формы в лице крестьянских (*исполнительных, продовольственных и земельных. — прим. автора*) комитетов для решения актуальных общественных задач»¹¹.

Гражданское общество активно участвовало не только в формировании комитетов, но и в их деятельности. Коалиционный демократический состав новых образований — еще одна их важная отличительная особенность. Включение представителей большого количества разнородных организаций в состав комитетов придавало им легитимность¹². Воронежский губернский комитет, в соответствии с

п. 1 гл. 1 Положения о Губернском комитете, состоял из представителей уездных комитетов, совета рабочих и солдатских депутатов, губернского комитета крестьянских депутатов (крестьянского союза), губернского земства, кооперативных объединений, биржевого комитета, порайонного железнодорожного комитета и т.д.¹³

Глазовский уездный исполнительный комитет (Вятская губерния) был органом, «включавшим в свою среду представителей всех организаций города и уезда»¹⁴. Касимовский уездный исполнительный комитет (Рязанская губерния), сформировавшийся 20 марта, включал в свой состав как уполномоченных от 25-ти волостей, так и представителей земского собрания, учителей различных училищ, корпорации учащихся церковно-приходских школ, медицинского персонала, Совета касимовских рабочих депутатов, местного гарнизона, офицерского состава, одного представителя сельскохозяйственных обществ и т.д.¹⁵

Разрабатывались и политико-правовые идеи, в рамках которых предлагалось реализовать качественно иной уровень представительства. В одном из обращений к народу был озвучен тезис о необходимости создания органа, близкого по типу формирования к комитетам. Указывалось, что следует «прекратить всякие партийные выступления», немедленно начать формировать «Центральный соединенный орган», в который бы вошли один или два представителя «от каждой существующей организации». Следовало также «немедленно сорганизовать местные общины, как было в древнем Новгороде»¹⁶. Все эти действия должны были быть направлены на активизацию военной борьбы с немцами. В обращении отмечалось, что ответственность за трусость солдат на поле боя несут все, так как «партийные учения» и «партийные раздоры» «умножили и увеличили тот хаос и то разрушение, которые были созданы при царском правительстве»¹⁷.

На начальных этапах своей деятельности комитеты, будучи результатом творения революции, зачастую не имели единого правового статуса. В материалах заседания Тургайского областного съезда 27 апреля 1917 г. отмечалось, что порожденные самой жизнью местные общественные организации не были устроены единообразно. Они не имели ни ответственных лиц, ни четко закрепленных полномочий. Порядок взаимодействий между ними также не был урегулирован¹⁸. В другом документе указывалось, что образовавшиеся в революционное время комитеты безопасности создавались наспех, «отличались случайным составом», «не представляли никаких гарантий сколько-нибудь равномерно и

⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 137. Л. 2 (об).

⁶ Там же. Л. 5 (об) — 6.

⁷ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 61 (об).

⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 376–377.

¹⁰ Там же. Л. 372.

¹¹ Кабытова Н.Н. Демократизация местного управления в Российской революции 1917 года // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 7 (73). С. 95.

¹² Брянцев М. В. Февральская революция на Брянщине // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 2 (14). С. 9. URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/bryantsev_mv_16_2_01.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

¹³ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 90а. Л. 56.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 36.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 137. Л. 4 (об) — 5.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 33. Л. 158 (об).

¹⁷ Там же. Л. 157 (об) — 158.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 30. Л. 84.

верно представить население данной местности или города»¹⁹.

В таких условиях акты, регламентировавшие положение комитетов, принимались ими самими. Нередко одной из основных задач, декларируемых комитетами в этих документах, была задача по защите нового строя. Бурное развитие событий в переломный для России год зачастую вынуждало гражданское общество брать на себя функции по защите достижений революции.

В соответствии с п. 1 Основных положений о Курском губернском народном совете, Совет являлся временным органом революционной власти народа. Его задачи были сформулированы следующим образом: укрепление завоеваний революции, защита их от посягательств со стороны приверженцев старого режима, установление непосредственной связи между новой властью и народом и т.д.²⁰

В соответствии с п. 3 Положения о Временных волостных комитетах в Архангельской губернии, волостной комитет, в целях укрепления нового государственного порядка и свободы, выполнял предписания нового правительства и содействовал подготовке созыва Учредительного собрания²¹.

Актами комитетов регламентировались и другие вопросы. Интересны опубликованные в рамках единого документа обращения Архангельского комитета общественной безопасности к населению губернии и Положение о Временном губернском комитете. В обращении указывалось, что пришло время народу, как хозяину, взять в свои руки «устройство своей жизни». Пунктом 1 Положения закреплялось, что впредь до полной организации земских и реорганизации городских самоуправлений в Архангельской губернии должен функционировать Временный комитет. Был закреплён и состав Комитета (п. 3), в который входило большое количество организаций, среди них: Совет крестьянских депутатов Архангельского уезда, Архангельский соединённый совет делегатов фронта, общества мелких торговцев, общество изучения русского севера и т.д.²²

Комитеты не только формально заявляли о себе как об органах власти, но и фактически выступали в качестве таковых. На общем собрании представителей населения Мазунинской волости Сарапульского уезда Вятской губернии было сообщено, что от начальника милиции 7-го района Сарапульского уезда получено отношение, в соответствии с которым пойманные «бражко-вареники и бражко-вареницы» должны были подвергнуться наказанию по усмотрению самого комитета. Комитет принял решение, в соответствии с которым лицо, впервые совершившее данное правонарушение, привлекалось к ответственности в виде обязательных работ сроком на 7 суток. В случае повторного совершения правонарушения срок наказания увеличивался до 14 дней. В случае

совершения правонарушения в третий раз срок этот возрастал до 21 дня²³. На заседании Галановского волостного комитета общественной безопасности и вовсе было принято решение о том, что виновные в продаже бражки, в появлении в нетрезвом состоянии в публичном месте или кумышкварении (самогонварении) должны подвергнуться наказанию в виде высылки за пределы губернии «на все время продолжения войны»²⁴.

Несмотря на ту значительную роль, которую играли комитеты в решении вопросов местного управления, отношение Временного правительства к ним было двояким. С одной стороны, структуры такого рода служили опорой новой власти. Этот факт находил свое подтверждение как в политико-правовой дискуссии того времени, так и в официальных актах новой власти. На заседании комиссаров и представителей комитетов 4 августа 1917 г. была высказана мысль, что «на первом этапе революции власть Временного правительства явилась плодом народного революционного творчества и опиралась на революционные межпартийные организации, объединившие все местные силы. Исполнительные органы этих организаций явились единственной властью на местах. Выбранные ими комиссары по утверждению их Временным правительством стали сперва связующим звеном между местной властью и Временным правительством и постепенно силой самой жизни превратились в его агентов»²⁵.

В одном из циркуляров Министерства внутренних дел указывалось на необходимость единения официальной местной власти «со всеми объединёнными в губернских комитетах общественными силами» с целью «преодоления внешнего врага и внутренней разрухи»²⁶. В другом циркуляре отмечалось, что лицо, если оно не было рекомендовано к избранию или не было избрано уездными комитетами, не могло претендовать на занятие должности уездного комиссара Временного правительства²⁷.

С другой стороны, использование творческого революционного продукта гражданского общества в качестве элемента властной вертикали мыслилось правительством как мера временная. В одном из циркуляров, например, указывалось, что образовавшиеся волостные комитеты должны были осуществлять управление волостью до момента вступления в силу закона о земском самоуправлении²⁸. Аналогичная позиция была выработана и на совещании уездных комиссаров Вятской губернии 24 июля 1917 г. Указывалось, что для придания единства действиям власти необходима поддержка органов управления коалиционными

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. Л. 103.

²¹ Там же. Д. 77. Л. 48.

²² Там же. Л. 32.

²³ ЦГА УР. Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 61.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 14. Л. 156.

²⁷ ЦГА УР. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 59.

²⁸ Там же. Л. 59–59 (об).

революционно-общественными организациями. Собрание пришло к заключению, что там, где будут сформированы официальные органы управления (волостные и уездные земские органы, городские думы), комитеты должны будут отказываться от «исполнительных действий по управлению»²⁹. Наконец, сами комитеты часто закрепляли в своих актах положение о временном характере их деятельности. В соответствии с Инструкцией волостным исполнительным комитетам (речь идет о Рязанской губернии) последние рассматривались как «высшие местные органы управления и заведывания общественным

хозяйством в пределах волости впредь до образования волостного земства»³⁰.

Таким образом, общественные исполнительные комитеты часто формировались при непосредственном участии представителей гражданского общества. Коалиционный демократический состав комитетов придавал им легитимный характер, обеспечивал возможность широкого участия общественных организаций в их деятельности. Комитеты, трактованные населением как инструмент защиты завоеваний революции, фактически стали органами власти.

²⁹ ЦГА УР. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 255 (об).

³⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 137. Л. 133.

Литература

1. Брянцев М.В. Февральская революция на Брянщине / М.В. Брянцев // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 2 (14). С. 5–16. URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/bryantsev_mv_16_2_01.pdf (дата обращения: 12.11.2017).
2. Горнев Р.В., Михеева Т.Н. Местное самоуправление и гражданское общество: проблемы взаимосвязи и соотношения / Р.В. Горнев, Т.Н. Михеева // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 8–12.
3. Кабытова Н.Н. Демократизация местного управления в Российской революции 1917 года / Н.Н. Кабытова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 7 (73). С. 93–100.
4. Сафонов А.А. Проблемы теории гражданского общества и практики его реализации в современной России / А.А. Сафонов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 11–15.
5. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России: дис. ... д-ра ист. наук / И.А. Тропов. СПб., 2012. 679 с.
6. Туманова А.С. Исторический опыт развития гражданского общества в позднеимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 26–30.
7. Черняк Э.И., Дробченко В.А. Структуры гражданского общества Томска в марте — октябре 1917 г. / Э.И. Черняк, В.А. Дробченко // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 38–45.
8. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 14.
9. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 15.
10. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 17.
11. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67.
12. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 77.
13. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 90а.
14. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 137.
15. ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 30.
16. ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 33.
17. ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 148.
18. ЦГА УР. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1.
19. ЦГА УР. Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 2.
20. ЦГА УР. Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 3.
21. ЦГА УР. Ф. Р-41. Оп. 1. Ед. хр. 11.

АДВОКАТУРА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Большакова Валентина Михайловна,
заведующая кафедрой конституционного и муниципального права
Нижегородского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
valentinabolshakova@rambler.ru*

В статье с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения анализируется институт адвокатуры в Российской империи и Российской Федерации. Автор делает вывод, что адвокатура может существовать вне гражданского общества, но гражданское общество без адвокатуры существовать не может.

Ключевые слова: гражданское общество, адвокатура, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Advocacy as a Russian Civil Society Institution: History and the Modern Times

*Bolshakova Valentina M.
Head of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Nizhni Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

In the article from the standpoint of the methodology of Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence, the Institute of Advocacy in the Russian Empire and the Russian Federation is analyzed. The author concludes that the bar can exist outside of civil society, but civil society cannot exist without advocacy.

Key words: civil society, advocacy, Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура представляет собой институт гражданского общества и, соответственно, «не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления». Следовательно, официально на законодательном уровне адвокатура признается институтом гражданского общества. В связи с этим возникает вопрос, является ли адвокатура неотъемлемым компонентом гражданского общества. Для ответа на него необходимо проанализировать исторический аспект проблемы.

Впервые в России адвокатура как независимая корпоративная организация возникает в ходе реализации судебной реформы 1864 г. Применительно к периоду «великих реформ» Александра II можно говорить и о зарождении гражданского общества в Российской империи. Однако все же неправомерно утверждать, что в дореволюционный период в нашей стране имело место гражданское общество. В правление Александра III реализовывалась так называемая политика «контрреформ», в ходе которой произошло ужесточение внутривнутриполитического курса в различных сферах жизни социума. Время царствования Николая II также сложно признать однозначным

в плане формирования гражданского общества¹. С одной стороны, на законодательном уровне были провозглашены права и свободы, была создана Государственная Дума. С другой стороны, шло ужесточение репрессивной политики. В любом случае все это в итоге привело к Октябрьской революции 1917 г. и смене государственного строя.

По нашему мнению, говорить о наличии гражданского общества в Советском государстве не приходится. Сосуществование тоталитарного режима и административно-командной системы управления несовместимы с гражданским обществом.

Резюмируя сказанное выше, можно утверждать, что в формировании гражданского общества в России произошел хронологический разрыв. Причем начало этого разрыва можно вести с 1881 г. — убийства Александра II и начала контрреформ Александра III, либо же с 1917 г. — прихода к власти большевиков и создания Советского государства. Новлюбомслучаевозвраткпостроениюгражданского

¹ Об эволюции содержания понятия гражданского общества в начале XX в. см., напр.: Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, общественность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.

общества начинается с 1991 г. — распада СССР и создания новой российской государственности.

Таким образом, гражданское общество можно считать хронодискретным явлением, т.е. явлением, в истории которого был временной разрыв, прерывание исторической традиции. Соответственно, к его изучению может быть применена методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения².

Одним из элементов зарождавшегося в Российской империи гражданского общества стала независимая адвокатура. Она была создана на основе Судебных уставов 1864 г. и являлась одним из важных институтов судебной реформы 1864 г. Перспективным направлением исследования судебной реформы Александра II в целом сегодня является ее сравнительное изучение с современными судебными преобразованиями в Российской Федерации³. В этом контексте весьма перспективным представляется и хронодискретный анализ отечественной адвокатуры.

Некоторые авторы справедливо относят российскую адвокатуру к отечественным хронодискретным институтам⁴. Действительно, ее история была прервана Октябрьской революцией, точнее, принятым Советом Народных Комиссаров РСФСР 24.11.1917 Декретом «О суде», получившим в литературе название «Декрет о суде № 1». В ст. 3 этого документа предписывалось упразднить, наряду с институтом судебных следователей и прокурорского надзора, институты присяжной и частной адвокатуры. При этом право выступать в роли обвинителей и защитников по уголовным делам и поверенных по гражданским делам предоставлялось всем неопороченным гражданам обоего пола, наделенных гражданскими правами. Естественно, ни о какой корпоративной организации таких защитников речи не шло.

Вообще Декрет о суде № 1 создал хронодискретную паузу и в истории других институтов судебной реформы 1864 г. (например, мирового суда, суда присяжных). Но если мировой суд и суд присяжных можно считать классическими хронодискретными институтами, т.е. такими, которые существовали с 1864 по 1917 гг., были уничтожены в первые годы советской власти и возрождены уже в Российской Федерации, то адвокатуру мы относим

к неклассическим хронодискретным институтам. Ее специфика заключается в том, что формально период небытия адвокатуры был очень непродолжительным: с 1917 по 1922 гг. 26.01.1922 ВЦИК РСФСР своим постановлением утвердил «Положение об адвокатуре».

Итак, как некий орган (его можно назвать квазигосударственным, так как официально государственным он не являлся, но реально полностью зависел от советских и партийных органов) адвокатура существовала непрерывно с 1922 г. весь период советской истории. Дискуссионным является вопрос о времени окончания истории советской адвокатуры.

Традиционно многие исследователи связывают прекращение всех советских государственных и правовых институтов с распадом СССР в 1991 г. Данный подход представляется правильным, однако не формально-юридически, а на уровне причинно-следственных связей. Действительно, исчезновение Советского государства неизбежно должно было привести и к упразднению советского права и советских государственных органов. Однако этот процесс не был одномоментным. Он не совпадает и не может совпадать с официальной датой распада СССР. Следовательно, привязка создания новых постсоветских институтов должна производиться к принятию соответствующих нормативных правовых актов.

Некоторые авторы полагают, что окончание советской адвокатуры произошло с принятием Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» от 19.11.1986⁵, другие — с принятием Закона СССР «О кооперации СССР» от 26.05.1988⁶. Аргументы в обоих случаях представляются нам совершенно неубедительными: в 1986 г. появилась возможность вести индивидуальную юридическую практику; в 1988 г. — первая адвокатская фирма, существовавшая вне коллегии адвокатов, так как речь не идет о комплексном реформировании адвокатуры, а только о создании неких дополнительных форм деятельности, связанных с оказанием юридической помощи населению.

Более верной нам представляется точка зрения, в соответствии с которой датой окончания истории советской адвокатуры и начала современной прокуратуры является 31.05.2002, когда был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁷. Этим нормативным актом действительно был существенно изменен институт отечественной адвокатуры. Причем это касается как функциональной, так и организационной составляющей.

² См.: Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7; Он же. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 23–28.

³ См.: Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. 2012. № 5. С. 5.

⁴ См.: Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 37–42.

⁵ См.: Ивакин В.Н. Представительство адвокатов по гражданским делам: история развития. М.: Российская академия адвокатуры, 2008. С. 106–107.

⁶ См.: Мельниченко Р.Г. Генезис и периодизация истории российской адвокатуры // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 34–37.

⁷ См.: Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 40.

В отличие от института адвокатуры, хронология которого известна вполне конкретно (введение, упразднение, реформирование), установить строго определенные хронологические границы гражданского общества, как и сам факт его существования в то или иное время, проблематично. Однако мы полагаем, что в оба изучаемых периода некие основополагающие элементы гражданского общества предшествовали введению (кардинальному реформированию) адвокатуры. В XIX в. знаковым событием в этом плане стала отмена крепостного права, а в конце XX в. — ряд мероприятий эпохи перестройки.

Теперь рассмотрим вопрос — действительно ли адвокатура являлась в Российской империи и является в Российской Федерации элементом гражданского общества? Главным доказательством будет наличие корпоративной организации, правил и этики. Причем если устройство адвокатуры регламентируется нормативными актами, исходящими от государства, то все остальные вопросы относятся к корпоративному ведению.

В современный период наличие всех этих признаков не вызывает сомнения. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» регулирует среди других вопросов и организацию адвокатской деятельности, в том числе и корпоративное устройство адвокатуры. Что касается норм адвокатской этики и правил поведения адвоката, то они достаточно четко определены в корпоративном акте — Кодексе профессиональной этики адвоката, принятом 31.01.2003 Первым Всероссийским съездом адвокатов. Данный документ включает в себя два раздела. В первом устанавливаются принципы и нормы профессионального поведения адвоката, во втором — процедурные основы дисциплинарного производства в отношении представителей адвокатской корпорации.

Часть 1 ст. 20 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» называет четыре формы адвокатских образований: 1) адвокатский кабинет, 2) коллегия адвокатов, 3) адвокатское бюро, 4) юридическую консультацию. В каждом субъекте Российской Федерации создается адвокатская палата субъекта, являющаяся негосударственной некоммерческой организацией, в которую в обязательном порядке входят все адвокаты соответствующего субъекта. Ее высшим органом является собрание (конференция) адвокатов, а исполнительным органом — совет адвокатской палаты. Также корпоративными адвокатскими органами в адвокатских палатах являются ревизионная и квалификационная комиссии.

На федеральном уровне создается Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, которая объединяет адвокатские палаты субъектов. Ее высшим органом является Всероссийский съезд адвокатов. В соответствии с ч. 2 ст. 36 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» среди наиболее важных

полномочий этого органа названы принятие корпоративных актов, а именно: Устава Федеральной палаты адвокатов, Кодекса профессиональной этики адвоката, стандартов оказания квалифицированной юридической помощи, а также иных стандартов адвокатской деятельности.

Коллегиальным исполнительным органом Федеральной палаты адвокатов является Совет Федеральной палаты адвокатов, возглавляемый президентом. Федеральным законом от 02.06.2016 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»» в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» была введена ст. 37.1, в соответствии с которой в Федеральной адвокатской палате создается еще один орган — Комиссия по этике и стандартам. В ее функции входит разработка стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и других стандартов адвокатской деятельности; формулирование разъяснений по вопросам применения Кодекса профессиональной этики адвоката, положения о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний претендентов; обобщение дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов и пр.

В Российской империи, в отличие от Российской Федерации, отсутствовал единый корпоративный акт, в котором бы были собраны нормы адвокатской этики. Несомненно, некая совокупность этических принципов и правил поведения адвокатов существовала, однако она не выражалась в текстах, имеющих обязательную силу для присяжных поверенных. Вероятно, это обуславливалось тем, что в Российской империи отсутствовала единая структура, охватывавшая все советы присяжных поверенных страны.

Обратим внимание, что если в Российской Федерации адвокатура в соответствии с законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является институтом гражданского общества, то ст. 11 Учреждения судебных установлений 1864 г. определяла, что присяжные поверенные находятся при судебных местах. Такая формулировка, на наш взгляд, изначально указывала на определенную зависимость адвокатуры от судебной власти.

Органами адвокатского самоуправления в Российской империи являлись советы присяжных поверенных. Они создавались в судебных округах при судебных палатах. Однако это было возможно только в том случае, если в округе было не менее двадцати присяжных поверенных. Избрание совета присяжных поверенных происходило на общем собрании присяжных поверенных соответствующего судебного округа. Причем проводилось такое собрание под председательством назначенного специально для этой цели члена судебной палаты.

Статья 366 Учреждения судебных установлений разрешала создание отделений советов присяжных поверенных при окружных судах в городах (кроме

тех, в которых располагалась судебная палата), где проживало более десяти присяжных поверенных.

В компетенцию советов присяжных поверенных входили вопросы принятия в сословие присяжных поверенных и исключения из него, контроль за деятельностью присяжных поверенных, рассмотрение жалоб на их действия, наложение дисциплинарных взысканий, назначение очередей для участия в рассмотрении дел на безвозмездной основе и по ходатайству лиц о назначении им поверенных, а также вопросы финансового характера.

Необходимо отметить, что при отсутствии в судебном округе совета присяжных поверенных или его отделения его функции на основании ст. 378 Учреждения судебных установлений передавались местному окружному суду. Полагаем, что это свидетельствует о некоторой зависимости присяжных поверенных от судебной власти.

Итак, в Российской империи присяжные поверенные, хотя и имели корпоративную организацию, но она не была четко структурирована как внутри советов присяжных поверенных, так и в плане общеимперской иерархии. При этом в некоторой степени имела место зависимость адвокатов от судов. Тем не менее в своих действиях они были независимы, самостоятельно решали вопросы этического, финансового и организационного характера. А это, в свою очередь, позволяет говорить о существовании адвокатуры в Российской империи как элемента гражданского общества, находящегося в стадии становления. В завершении статьи также отметим, что в целом адвокатура может существовать вне гражданского общества (свидетельством тому является советский период отечественной истории), но гражданское общество без адвокатуры существовать не может.

Литература

1. Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. / А.А. Демичев // История государства и права. 2012. № 5. С. 2–5.
2. Демичев А.А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» / А.А. Демичев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 23–28.
3. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки / А.А. Демичев // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.
4. Ивакин В.Н. Представительство адвокатов по гражданским делам: история развития / В.Н. Ивакин. М. : Российская академия адвокатуры, 2008. 128 с.
5. Мельниченко Р.Г. Генезис и периодизация истории российской адвокатуры / Р.Г. Мельниченко // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 34–37.
6. Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, общественность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции / И.С. Розенталь, А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.
7. Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) / С.И. Черепанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 37–42.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

*Сигалов Константин Елизарович,
заместитель директора Института проблем
эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, доцент
sigalovconst@mail.ru*

*Петрова Татьяна Эдуардовна,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
психологии и правоведения Московского авиационного института
(национального исследовательского университета),
доктор социологических наук, профессор
Peta-63@mail.ru*

Правовая определенность представляет собой длящееся и конкретно-ситуативное состояние человека или общества с точки зрения его особенности и расположенности в социальном поле. Этот феномен обусловлен ролью и значимостью гражданского общества в пространстве правовой культуры, обуславливающей возможность человека юридического предъявлять себя миру. Как человек юридический является творцом гражданского общества, так и гражданское общество формирует его сущность, защищает его права и свободы. Трансформирующиеся социальные условия жизни обосновывают правовую определенность человека, задают архитектуру правового генезиса и в дальнейшем формируют те характерные и неповторимые особенности, которые социальная жизнь обуславливает в пространствах права человека, права гражданского общества и права государства.

Ключевые слова: гражданское общество, право человека, договор, государство, правовое генезис, правовые притязания, правовая способность, правовая определенность, статус, права и обязанности, свобода, правовое существование.

The Social Context of Legal Certainty of an Individual

*Sigalov Konstantin E.
Deputy Director of the Institute of Effective State and Civil Society Issues
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Professor of the Department of History of Law and State
of the Peoples' Friendship University of Russia
Doctor of Law
Assistant Professor*

*Petrova Tatyana E.
Professor of the Department of Public and Municipal Administration,
Psychology and Law of the Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI)
Doctor of Sociology
Professor*

Legal certainty constitutes a continuing and specific situational state of a person or community from the point of view of its characteristics and location in the social field. This phenomenon is due to the role and importance of civil society as a space of legal culture, which allows the legal person to present himself to the world. As a legal person is the Creator of civil society and civil society creates its essence, protects their rights and freedoms. Transforming social conditions justify the legal certainty of the person asking the architectonics of Progress and further shaped by the characteristic and unique features that makes social life in the spaces of human rights, the rights of civil society and law state.

Key words: civil society, law of human, contract, state, genesis of the law, legal claim, legal capacity, legal certainty, status, rights and duties, freedom, legal existence.

Проблема понимания права в целом как сложившегося социально-культурного феномена, а также

постижение различных правовых норм, проникновение в существо правовой жизни всегда занимала

важное место в духовной жизни человека. По мере развития цивилизации совершенствуются социальные явления и практика деятельности человека, осваивающего и обустроивающего социальный мир. Каждый человек формируется в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет ему общество. Правогенез — это естественное продолжение антропосоциогенеза. Этот процесс сопровождается постоянными вызовами, которое общество бросает человеку на протяжении всей истории его существования. Социально-экономические, цивилизационно-технологические, исторические и геополитические условия формировали и облик общества, и облик человека. В одних цивилизациях ценность права была безусловной, в других — право вытеснялось на периферию социальной жизни.

Правовая определенность человека обусловлена сложным комплексом отношений с обществом и государством. Там, где связи и горизонтальные, и вертикальные, гражданское общество является формообразующим параметром жизни, там, где связи исключительно вертикальные, там все формообразующие параметры возложены на государство, а порой и просто на властные элиты. Поэтому прав В.А. Бачинин, утверждающий, что «европейский «юридический человек» — создатель гражданского общества»¹. Выстрадав гражданское общество в длительной борьбе за свои права и свободы, человек юридический вписался во все многообразие социальных связей, этим обществом обусловленных. Но юридизация социальной жизни в гражданском обществе непременно меняет и облик самого человека, его внутренний мир, выстраивает все его связи и отношения в перманентно трансформирующихся формах.

Право как сфера наиболее праксиологичного в духовной жизни постоянно заставляет человека предъявлять свои собственные свойства миру, доказывать, насколько эти свойства адекватны реалиям социальной жизни. «Право играет ключевую роль не только в становлении общества. Совокупность свойств, которых требует от субъекта участие в правовой регуляции, коренным образом трансформирует психическую конституцию индивида. Рационально-волевая регуляция поведения, формирование комплекса Я, коренное измерение матрицы мировосприятия и дополнение пары «свой — чужой» ролью нейтрального другого — это комплекс характеристик, знаменующих собой глубокую антропологическую трансформацию, произошедшую в процессе и на основе правогенеза, и специфицирующий современного человека. Право, таким образом, оказывается важнейшим фактором антропологического становления человека, а именно — формированием его современной психической конституции. Право лежит в основании социального мира как особого, высшего типа бытия, и современных людей как такого типа индивидов,

через которых социальный мир реализует себя»². Человек должен определиться во всей полноте правовых смыслов, найти свое место в пространствах права человека, права гражданского общества и права государства.

В силу этих причин закономерен вопрос о правовой определенности человека, он затрагивает его правовые свойства, его возможность предъявить себя миру. Если предельно упростить ситуацию, то правовая определенность — это портрет человека в его правовом мире, т.е. в некоем правовом спектре, высвечивающим именно эту сторону его жизни. Определенность — это не то что есть человек, не его сущность, а то, каким он хочет, чтобы его видели, какие параметры он выставляет перед обществом сам, это видимость, кажимость, маска.

Правовая определенность может касаться и правовой культуры в целом. Каждая страна, а порой и каждый регион имеет свою неповторимую «правовую физиономию», которая сформировалась в силу сложного комплекса социально-политических, исторических, религиозных, ментальных и т.п. причин. При этом даже соседние страны при внешней «похожести» и некоторых факторах исторической, религиозной и этнической общности могут обладать различной правовой определенностью как собственным правовым ликом (Хорватия и Черногория, Венгрия и Румыния). При этом устойчивость и постоянство не являются признаками определенности — и люди, и правовые культуры меняются, а, следовательно, меняются и их «физиономии», та «картинка», которая выставляется как самоидентификация.

Правовая определенность человека сопряжена с его правами и обязанностями. Права — это то, что человек берет, обязанности — то, что он дает. Это простые договорные отношения, в случаях их прозрачности и ответственности сторон никаких принципиальных проблем здесь не намечается. Но это исключительно формальная сторона дела. Притязания, как правило, вносят дисбаланс в эту формальную систему отношений, ибо: а) притязания далеко не всегда соответствуют реальному вкладу (они могут быть преувеличены или преуменьшены); б) оценка притязаний другими участниками отношений несколько отличается от того, как человек оценивает их сам; в) притязания имеют темпоральную и пространственную определенность, т.е. обусловлены временем и местом их «предъявления». «На человека, на право, на все, что угодно, нужно смотреть как на самоценность. Мы стремимся реализовать свое право не только для того, чтобы что-то получить (это может быть и предоставлено), но потому, что оно, желаемое — право. Только в этом случае право есть атрибут человека собственном и полном смысле слова. В своем пределе правовое существо харизматично; иначе оно неполноценно, не самоценно. Актуализированность правового существа в его правах — достижение далеко не каждого

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 208.

² Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 25.

человека. Человек, реализующий свое право в полноте, харизматичен»³. Права всегда были сопряжены с обязанностями. Право только тогда и может быть правом, когда в нем прописано и то, что человеку положено получить от общества, корпорации, других людей и государства, и то, что он обязан сам дать обществу, корпорации, другим людям, государству. Права и обязанности, их баланс и соответствие возникают лишь в правовом обществе. Причем, как правило, круг основных прав равен кругу основных прав других людей, что является основанием формального равноправия. Круг обязанностей различен, и из этого вытекает круг дополнительных прав как соответствие их вкладу в общественное достояние. Отсутствие обязанностей у личности может привести к произволу со стороны общества, государства, более сильных и «эффективных» сограждан.

Задаваемая социальными условиями и ментальными обстоятельствами внешняя планка притязаний может как сдерживать развитие человека, так и подстегивать его развитие. Если же говорить о притязаниях как одной из ведущих характеристик личности и правоспособности, то именно через притязания движется прогресс, ибо именно амбиции заставляют человека достигать чего-то нового, в том числе добиваться новых прав и свобод, формировать новое право, изменять свое положение в социальной и технологической сферах и т.д.

Правовая способность и правовая определенность связаны и взаимообусловлены. Но при этом правоспособность как способность адекватно воспринимать право и жить по праву, с одной стороны, и способность к постижению юридического знания, суммы юридической информации и возможностей «вариться» в юридическом котле, с другой стороны, — это разные вещи. Право полифонично и многогранно, познание его на уровне только обыденного сознания недостаточно и даже ущербно, и только юридическая наука в силах представить право в глубине всех его смыслов. Поэтому и столь циничны профессиональные юристы, поэтому значимым для американцев (по сути, юридической нации) является не жить по праву, а именно выиграть дело в суде. В революционные эпохи матерые правовые нигилисты (Робеспьер, Ленин, Вышинский⁴) были именно юристами, и историческая практика продемонстрировала, как именно эти персонажи обращались с правом, и что права человека нарушались в первую очередь.

Организационно-технические процессы, происходящие в юридическом мире, свидетельствуют о следующем: тот или иной юрист может досконально знать свою отрасль права, быть превосходным

адвокатом, скажем, по бракоразводным делам или урегулированием отношений со страховыми компаниями, но может совершенно не воспринимать право в целом, и его правовая определенность, если такую оценивать в баллах, скорее, убывает после окончания юридического вуза, где, возможно, его и учили воспринимать право как некую ценность и целостность. Теория и история права подобны высшей математике правовой науки, основе юриспруденции в целом, и тот специалист, который игнорирует базовые знания, рискует превратиться в «юридического ремесленника».

С правовой, а также политической, религиозной и моральной определенностью⁵ тесно связаны такие параметры, как правовой статус и правовое положение человека. Правовое положение фиксирует расположенность правового существа в данный конкретный момент (он может меняться у человека в силу различного рода причин, скажем, правовое положение инвалида, отпускника, студента, безработного, беременной женщины и т.д.). Статус — это некое достижение, определенная ступень, к которому стремится человек, который он получает (или не получает) в силу определенных правовых процедур. Причем статус может быть как приобретенным, достигнутым, завоеванным (свободный человек, светлейший князь, академик, георгиевский кавалер), так и унаследованным (все социальные статусы в той или иной мере наследуются нашими потомками). И если приобретенный статус — есть воля человека, он стремился к нему и нахождение в нем предусматривает то, что он принимает все то, что является характеристиками и условиями этого статуса, и при этом очень условно волен им распоряжаться по своему усмотрению (должен соответствовать), то порой «унаследованный» статус является тяжким бременем для его обладателя (принц должен соответствовать своему высокому предназначению, юноша из интеллигентной семьи ну просто должен получить высшее образования, несмотря на то, что он, возможно, хочет стать автослесарем, футболистом или парикмахером). Принять волевое и в то же время юридическое решение отказать от унаследованного и навязанного статуса — это смелый поступок, характеризующий человека в его правовой определенности.

В статусе особенное (как типовое) отождествлено с отдельным (персональным), и это является отрицанием единичности. Скажем, ученая степень присваивается совершенно разным людям, и порой некоторые отдельные носители докторских степеней и даже академических званий далеки от идеала ученого, а лица, не обладающие таковым статусом, обладают широчайшим кругозором и глубиной научного мышления (например, Г.С. Померанц, Ф. Энгельс и др.). Единичный статус достигается, разумеется,

³ Малахов В.А. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 81.

⁴ Во время первой русской революции, в 1906–1907 гг., А.Е. Вышинского дважды арестовывали, однако вскоре освобождали за недостаточностью улик — хоть и недоучившийся, но юрист умел себя защитить. В 1913 г. он все же окончил Киевский университет, его даже оставляли для подготовки к профессорскому званию.

⁵ На самом деле все определенности человека (к вышперечисленным можно добавить художественную, национальную, гендерную, демографическую и т.д.) действуют в едином комплексе, так сказать слитно и неразрывно, но задача науки и синтезировать, и анализировать, и вычленять нечто из общего числа.

в том числе и правовыми формами и методами, иногда для этого разрабатывается специальный инструментарий, но все же в основе лежат неправовые ментальные параметры.

Идеальными условиями сохранения статусов является гражданское общество, которое «нависает» над государством и контролирует его. В этой ситуации невозможно лишить приобретенного заслуженного статуса человека без достаточных правовых оснований, по воле правителя, только потому, что в силу каких-либо политических обстоятельств он стал неуютен.

Статусные отношения, договор между равноправными сторонами, определение прав и обязанностей договаривающихся сторон — это наиболее важный аспект в наследии западного средневекового права. «Идея договора, способного ограничить власть, составляет главную особенность нашего феодализма, — писал М. Блок, — И как бы ни был жесток феодальный строй к малым мира сего, он оставил в наследство нашим цивилизациям то, что помогает нам жить и сейчас»⁶. У каждого был свой статус, каждый, согласно договору, им пользовался. На Руси такого не было, так как статус лица был определен государем, уверенного, что право определять статус он получил от Бога, и именно государь мог статусом наделить и статус лишить⁷.

⁶ Блок М. Феодальное общество. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 439–440.

⁷ «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить». — См.: Иван Васильевич Грозный. Первое послание князю Курбскому (июль 1594) // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Художественная литература, 1986. С. 34–35.

Многие правовые и государственные институты, сформировавшись в Древности и Средневековье и претерпев различные исторические метаморфозы, продолжают существовать вплоть до начала XXI в., пройдя красной нитью сквозь всю историю цивилизаций. «Подобно опыту раннего детства, который оказывает огромное влияние на последующее формирование личности, ранний опыт, накопленный обществом, естественно, обуславливает организацию властных отношений в более поздний период, воздействуя не только на появившиеся в последующие эпохи государственные институты, но и на политико-юридический менталитет поколений»⁸.

Однако в настоящее время многое поменялось. Договор утерял свое прежнее предназначение, а двойные стандарты стали нормой жизни. Запад в целом и западное гражданское общество испытывают на себе серьезнейший цивилизационный вызов, могущий принести необратимые последствия.

В нашем Отечестве есть также разнонаправленные тренды. Но правоспособность человека все же остается возможностью не очень надеяться на государство. Посредством правоспособности проявляется гражданская активность, через нее проявляется правовая определенность человека юридического в его связи с гражданским обществом, возможностью заявить о себе, о своих проблемах, правах и свободах государству.

⁸ Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 324.

Литература

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1091 с.
2. Блок М. Феодальное общество / М. Блок. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
3. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 464 с.
4. Лановая Г.М. Механизм права гражданского общества / Г.М. Лановая // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 7–10.
5. Малахов В.А. Философия права. Идеи и предположения / В.А. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 392 с.
6. Медушевская Н.Ф. Российское конституционное государство как социальный институт: историко-культурологический анализ / Н.Ф. Медушевская // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. 2015. № 5. С. 190–192.
7. Памятники литературы Древней Руси. М. : Художественная литература, 1986. 447 с.
8. Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека / Б.С. Шалютин // Вопросы философии. 2011. № 11. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=417